

Хроника:

1945 – после освобождения Чехословакии, президентом снова, как и до войны, становится Эдуард Бенеш, лидер партии национальных социалистов.

1946 – большинство на выборах получает Компартия Чехословакии, и премьер-министр Клемент Готвальд формирует правительство Национального Единства.

1948 – Готвальд становится президентом. Его просталинский курс вызывает недовольство в партии, протестующие подвергаются чисткам. Бенеш уходит в отставку в знак протеста против установления в ЧССР режима советского образца.

1952 – по обвинению в титоизме казнен Рудольф Сланский, генеральный секретарь партии с 1946 года, жесткий сторонник антисталинской линии.

1953 – смерть Готвальда. Фактически вторым лицом страны после президента А. Запотоцкого становится первый секретарь КПЧ Антонин Новотный.

1958 – Новотный становится президентом и пытается сочетать консервацию сталинской модели с некоторыми послаблениями (амнистия политзаключенных и т.п.).

Начало 60-х – Чехословакия переживает тяжелый экономический спад. Новотный вынужден пойти на либеральные шаги, и в 1965 году начинается програм-

ма децентрализации. Главный пункт - предоставление большей свободы компаниям в определении цен и зарплат.

сентябрь 1967 – реформы не приносят серьёзных улучшений, и Александр Дубчек, секретарь Словацкой Компартии, предъявляет большой список претензий правительству. В стране проходят большие демонстрации против Новотного.

январь 1968 – ЦК КПЧ объявляет о недоверии Новотному. Дубчек становится первым секретарем ЦК КПЧ и вскоре объявляет серию реформ, включающих отмену цензуры и право граждан на критику правительства.

март – Новотный уходит с поста президента, на его место становится Людвиг Свобода, сторонник Дубчека.

апрель – ЦК КПЧ резко критикует правительство Новотного. Речь идёт о провалах в строительной и транспортной политике, низком уровне жизни, отсутствии внутрипартийной демократии. «Действовать по совести – не только право, но и обязанность каждого члена партии». Новая программа реформ включает создание рабочих советов на производстве, усиление роли профсоюзов и право фермеров на создание независимых кооперативов.

июль – Советское правительство, объявив о том, что ФРГ планирует вторжение в Судеты, просит разреше-

ния Чехословакии направить войска для её защиты. Александр Дубчек отклоняет это предложение.

21 августа – оккупация Чехословакии силами стран Варшавского договора - СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. Дубчек увезен в Москву и, вскоре после «свободной товарищеской дискуссии», руководство Чехословакии отказывается от программы реформ.

Апрель 1969 – Дубчека заменяет на посту первого секретаря ЦК КПЧ полностью лояльный Москве Густав Гусак, который постепенно очищает правительство от сторонников Дубчека и проводит умеренные реформы.

**Две тысячи слов,
обращенных к рабочим, крестьянам, служащим,
ученым, работникам искусства и всем прочим.**

Жизни нашего народа сначала угрожала война. Потом снова пришли скверные времена с событиями, которые угрожали его душевному здоровью и характеру. Большая часть народа с надеждой восприняла программу социализма. Но за ее осуществление взялись не те люди. Скверно не то, что у них не было достаточно государственного опыта, специальных знаний или философского образования; пусть бы у них было больше мудрости, обыкновенной мудрости и добропорядочности, чтобы они были в состоянии выслушивать мнение других и позволили бы постепенно заменить себя более одаренными людьми.

Коммунистическая партия, которая после войны завоевала у народа большое доверие, постепенно начала разминать его на должности, пока не получила их все, и тогда у нее ничего не осталось. Мы должны прямо это сказать; это сознают и те из коммунистов среди нас, чье разочарование результатами так же велико, как и у остальных. Ошибочная линия руководства превратила партию из политической партии идейного союза в орган власти, которая стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью.

*Самый известный документ "Пражской весны", написан писателем Людвигом Вацуликом по просьбе круга интеллигенции, с целью катализировать процесс реформ.

Их прилив сказался на характере и поведении партии; внутреннее ее устройство было таково, что только пройдя через позорное превращение, честный человек мог приобрести в ней влияние; в ней не было людей, которые бы ее могли удерживать на высоте современных задач. Многие коммунисты боролись против этого упадка, но им не удалось воспрепятствовать тому, что случилось.

Порядки коммунистической партии явились причиной и моделью таких же порядков в государстве. Ее союз с государством привел к тому, что исчезло преимущество глядеть на исполнительную власть со стороны. Деятельность государства и хозяйственных организаций не критиковалась. Парламент разучился обсуждать, правительство — управлять, а руководители — руководить. Выборы потеряли смысл, законы — вес. Мы не могли больше доверять своим представителям ни в одном комитете, да если б захотели, то не могли бы от них ничего требовать, потому что они все равно ничего не могли добиться. Еще хуже было то, что мы уже не могли верить друг другу. Личная и коллективная честь исчезли. Честностью добиться чего-либо было не возможно, а о вознаграждении по способностям нечего говорить. Поэтому большинство потеряло интерес к общественным вопросам и заботилось только о себе да о деньгах, причем даже и на деньги нельзя было полагаться. Испортились отношения между людьми, исчезла радость труда, короче, пришли времена, которые грозили духовному здоровью и характеру народа.

За наше нынешнее состояние ответственны мы все, а особенно коммунисты среди нас, главная, однако ответственность лежит на тех, кто были соучастниками или орудием неконтролируемой власти. Это была власть жестокой группы, распространяемая с помощью особого аппарата от Праги в каждый район и каждое село. Этот аппарат решал, кто что может или не может делать, он управлял кооперативами вместо крестьян, фабриками – вместо рабочих и народными комитетами – вместо граждан. Ни одна организация не принадлежала на самом деле ее членам, даже коммунистическая. Главной виной и наибольшим обманом этих правителей является то, что свой произвол выдавали за волю рабочих. Если бы мы захотели поверить этой лжи, мы сейчас должны были бы счесть виной рабочих упадок нашего хозяйства, преступления, совершенные над невинными людьми, введение цензуры, которая не давала писать обо всем этом, рабочие были бы виноваты в неразумных капиталовложениях, убытках торговли, нехватки жилплощади. Никакой разумный человек в подобную вину рабочих не поверит. Мы все знаем, а рабочие в особенности, что сами рабочие ничего не решали. Представители от рабочих выдвигал на голосование кто-то другой. В то время, как многие рабочие думали, что управляют страной, на самом деле от их имени страной правила особая воспитанная прослойка деятелей партийного и государственного аппарата. Фактически они заняли место свергнутого класса и сами стали новыми господами. Справедливости ради, однако, надо отметить, что многие из них сами давно разгадали эту иронию истории. Мы узнаем их сейчас потому, что они устра-

няют несправедливость, исправляют ошибки, возвращают членам организаций и гражданам право решать, ограничивают компетентность и численный состав чиновничьего аппарата. Они вместе с нами выступают против отсталых взглядов. <...>

Но большая часть чиновников пока еще сопротивляется и обладает весом! У нее в руках пока еще средства власти, особенно в районах и на местах, где она может ими пользоваться скрытно и не рискуя быть привлеченной к суду.

С начала нынешнего года мы находимся в возродительном процессе демократизации. Этот процесс начался в коммунистической партии. Мы должны об этом прямо сказать, и об этом знают даже те беспартийные среди нас, которые от партии уже ничего хорошего не ждали. Следует, однако, добавить, что этот процесс и не мог начаться в другой организации. Ведь только коммунисты могли в течении 20 лет жить хоть какой политической жизнью, только коммунистическая критика присутствовала там, где принимались решения, только оппозиция в компартии обладала тем преимуществом, что находилась в контакте с противником. Инициатива и усилия демократических коммунистов являются поэтому не более, чем платежом в погашении долга всей партии перед беспартийными, которых она держала в неравноправном положении. Поэтому благодарить компартию не за что, ей следует, может быть, признать, что она часто старается использовать последнюю возможность сохранения своей чести и чести своего народа.

Процесс вознаграждения не несет в себе чего-либо нового. Он несет мысли и предположения, многие из которых старше, чем ошибки нашего социализма, другие же возникли над поверхностью видимых событий, они должны были быть давно высказаны, но подавлялись. Нечего строить иллюзии, что эти мысли побеждают теперь силой правды. Их победе скорее благоприятствовала слабость старого руководства, которое, по-видимому, сперва должно было устать от 20-летнего господства без каких-либо помех. Видимо, сперва должны были окончательно созреть все ошибочные предпосылки, скрывающиеся в основах идеологии этой системы. Так что не стоит преувеличивать значение критики со стороны студенчества и писателей. Источником общественных изменений является экономика. Правдивое слово хорошо тогда, когда оно предварительно подготовлено условиями. Под предварительно подготовленными условиями в нашем случае, к сожалению, надлежит понимать нашу бедность и полный развал той системы правления, когда политики определенного типа могли спокойно и неспешно компрометировать себя. Итак, правда не побеждает, правда просто остается, когда прочее уже разбазарено! Следовательно, нет повода ко всенародному ликованию, есть только повод к новой надежде.

Мы обращаемся к вам в этот миг надежды, которая, однако, пока еще в опасности. Потребовалось несколько месяцев, что бы многие из нас поверили, что могут высказаться, а многие не верят до сих пор. Но мы уже столько сказали и столько открыли, что ничего не остается, как довести до конца наше намерение

очеловечить этот режим. Иначе реванш старых сил был бы слишком жестоким. Мы обращаемся прежде всего к тем, кто до сих пор только выжидал. Время, которое наступает, решает нашу судьбу на многие годы.

Наступает лето с каникулами и отпусками, когда мы по старой привычке захотим все бросить. Но право же, наши уважаемые противники не позволят себе отдыха, они начнут мобилизовать своих людей, тех, которые обязаны им, с тем, что бы уже сейчас обеспечить себе спокойное Рождество. Постараемся внимательно следить за происходящим, стараться уразуметь и ответить на это. Откажемся от неисполненной надежды на то, что кто-то более высокопоставленный даст нам единственно правильное толкование происходящего и единственное решение. Пусть каждый делает свои собственные выводы, на свою ответственность. Приемлемое для общества решение можно найти только в дискуссии, для которой нужна свобода слова, которая, собственно, есть единственное достижение этого года.

К тем дням, которые нам предстоят, мы должны идти с собственной инициативой и с собственными решениями.

Прежде всего, мы будем противостоять мнению, что можно совершить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или вопреки им. Это было бы не только не справедливо, но и не разумно. У коммунистов созданы организации, прогрессивное крыло

оных нуждается в нашей поддержке. У них есть опытные функционеры, у них все еще в руках решающие рычаги и кнопки. Как бы то ни было, они предложили обществу программу действий, которая одновременно является программой первого исправления крупнейших несправедливостей, а ни у кого другой такой программы нет. Нужно требовать, чтобы они предложили свою программу местных действий общественности каждого округа, каждого села. И здесь мы поведем речь о вполне естественных и правильных действиях, которые так давно идут. Компартия готовится к съезду, который должен избрать новых ЦК. Потребуем, чтобы он был лучше старого. Если компартия сегодня говорит, что свою руководящую роль в будущем она намеревается опирать на доверие граждан, а не насилие, мы должны этому верить в той мере, в какой мы можем верить тем людям, которых уже сейчас она направляет в качестве делегатов на районные и областные конференции. <...>

В последнее время люди обеспокоены тем, что темп демократизации замер. Это впечатление является, отчасти проявлением усталости от волнующих событий отчасти соответствует фактам: пришел сезон неожиданных разоблачений, отставок с высоких постов и опьяняющих выступлений необыкновенной словесной смелости. Борьба сил, однако, лишь стала менее видимой, но она идет – борьба за содержание и текст законов, за диапазон практических мероприятий. Кроме того, новым людям министрам, прокурорам, председателям и секретарям необходимо дать время поработать. Они имеют на это право, им нужно время,

чтобы показать себя то ли с хорошей, то ли с плохой стороны. Кроме того, от центральных политических органов нельзя теперь и ожидать большего. Они и так проявили неожиданные удивительные добродетели. Практическое качество будущей нашей демократии зависит от того, что будет происходить с предприятиями и на предприятиях. При всех наших дискуссиях нас держат в своих руках наши хозяйственники. Хороших экономистов надо искать и всячески пробиывать на ведущие посты. Правда, что по сравнению с развитыми странами нам плохо платят (а некоторым еще хуже). Мы могли бы потребовать больше денег – их легко напечатать и тем самым обесценить. Давайте лучше требовать у директоров и председателей, что бы нам объяснили, что и по какой цене хотят производить, кому и почему продавать, сколько, кто заработает, сколько денег уйдет на усовершенствование производства, сколько можно будет распределить. В газетах под нудными, на первый взгляд, заголовками мы видим картину жестокой борьбы за демократию или за кормушку. Рабочие, как производители, могут оказать влияние на исход борьбы, смотря по тому, кого они изберут в производственные советы. Лучше всего им, как рабочим, будет, если они изберут в профсоюзные органы своих естественных вожаков, способных и честных людей, независимо от их партийной принадлежности.

Но если от теперешних центральных политических органов нельзя сегодня ожидать большего, то надо добиться большего в районах и селах. Надо требовать отставки лиц, которые злоупотребляют своей властью,

нанесли ущерб общественному имуществу, действовали нечестно и жестоко. Надо придумывать способы заставить их уйти. Например: публичная критика, резолюции, демонстрации, сбор подарков для них при уходе на пенсию, демонстративные субботники, забастовки, бойкотирование их дверей. Однако надо отвергнуть грубые, незаконные и нечестные приемы борьбы, потому что они могли бы использовать их для воздействия на Александра Дубчека. Наше отвращение к писанию грубых писем должно быть столь всеобщим, что бы каждое такое письмо, которое они получают, можно было считать письмом, которое они прислали сами себе. Оживляйте деятельность Народного фронта. Требуйте публичных заседаний Народных комитетов. Создавайте гражданские комитеты и комиссии для решения тех вопросов, которые никто не хочет решать. Это просто: собирается несколько человек, выбирают председателя, исправно ведут протокол, публикуют свое заключение, требуют решения, не дают себя запугать, районную и местную печать, которая в большинстве случаев дегенерировала до уровня бюрократической дудки, надо превратить в трибуну всех положительных политических сил, создавать редакционные коллеги из представителей Национального фронта или же основывать новые газеты. Создавайте комитеты по защите свободы слова. Собираясь на собрания, организуйте свою собственную службу охраны порядка. Услышав тревожные новости, проверяйте их, направляйте делегации в компетентные органы, их ответы публикуйте хотя бы на заборах. Оказывайте поддержку органам безопасности, когда они преследуют настоящих

преступников. Нашей целью не является вызвать безвластие и состояние всеобщей неуверенности. Избегайте распрей между соседями, не обсуждайте политических вопросов под пьяную руку. Разоблачайте доносчиков.

Оживленное движение летом по всей стране вызовет интерес к упорядочению государственно-правовых отношений между чехами и словаками. Федерализацию мы считаем одним из способов решения национального вопроса, и все же это только одно из мероприятий, направленных на демократизацию нашей жизни. Это мероприятие само по себе может и не принести словакам лучшую жизнь. Завести отдельный режим для чехов и словаков – это еще не решение вопроса. Власть партийно-бюрократического аппарата в Словакии может при этом сохраниться во всей силе, раз она «завоевала большую свободу».

Большое беспокойство в последнее время вызывает возможное вмешательство иностранных сил. Оказавшись лицом к лицу с превосходящими силами, мы должны будем только стоять на своем, не поддаваться на провокации. Свое правительство мы можем заверить в том, что будем следовать, за ним даже с оружием в руках лишь бы оно продолжало делать то, на что получило наши полномочия, а своих союзников мы можем заверить, что союзнические, дружеские и торговые отношения выполним. Наши раздраженные обвинения и неаргументированные подозрения только затрудняют положение нашего правительства и делу не помогут. Равноправные отношения мы сможем

обеспечить только при условии, что улучшится наше внутреннее положение, а процесс возрождения зайдет так далеко, что на выборах удастся избрать таких государственных деятелей, у которых будет столько смелости и чести, политического ума, что их хватит, что бы установить и отстоять такие отношения. Это, между прочим, является проблемой для всех без исключения малых государств во всем мире!

Весной этого года, как и после войны, мы стали перед новыми возможностями у нас есть снова возможность взять в свои руки наше общее дело, рабочее название которого – социализм, и дать ему форму, которая будет лучше отвечать нашей когда-то доброй славе и тому относительно хорошему мнению, которое мы имели с сами о себе. Эта весна окончилась и больше не вернется. Зимой мы узнаем все.

Этим кончается наше послание рабочим, крестьянам, чиновникам, людям искусства, ученым, техникам и всем прочим. Оно было написано по инициативе ученых. Подписи не суть полный перечень согласных с нами, это лишь образец людей из разных слоев общества, согласных с письмом – тех, кого мы смогли заставить дома.

Часть подписей по алфавиту:

Бено Блахут, засл.деят, иск., Пражский оперн.театр;
проф. Ян Брод, дир. ин-та болезней органов
кровообращения в Праге; акад. Б. Будховский,
математик; д-р И. Цвекл , философ; Вера Часлачска,

олимп. чемпионка; Зд. Чехрак, художник; Эд. Фиала, техник; инженер и писатель Иржи Ганзелка; М. Полубь, микробиолог, д-р. наук; Р. Грушинский, артист и режиссер Я. Ириш, режиссер В. Юркович, проф. Интернист Кадлепова, проф., окулист; Доп. Кноп, педагог; К. Косик, философ; Акад. Я Коутенок, геолог Э. Петырек, дир. Горного ин-та АН; Паткова, адвокат; Проф. П. Лукин интернист; инженер О.Г. Поупа, физиолог; проф. Я. Прохазка, хирург; И. Решка, олимп. чемпион; И. Сухи, поэт; И. Шлитр, композитор; И. Топол, писатель; Людвиг Вацулик, журналист (автор этого текста); полковник Эмиль Затопек, олимпийский чемпион; Дана Затопкова, тоже; И. Загата, агроном и т.д.

Всего 70 подписей.

[июнь 1968]

Сэм Марси

Некоторые суровые факты, связанные с чехословацкой «реформой».

31 июля 1968 года.

Эта статья пишется, когда продолжаются переговоры между советскими и чешскими лидерами. Чем бы ни закончились эти переговоры, ясно, что контрреволюция в Чехословакии приближается к своей развязке. Только быстрое и четкое вмешательство чехословацкого рабочего класса может прекратить этот процесс. К несчастью, в данный момент такое вмешательство кажется маловероятным, потому что само руководство трудящихся сегодня активно способствует буржуазной реставрации в Чехословакии. Процесс этот начался не вчера.

Обострение случилось в результате январского собрания руководства чехословацкой Компартии. О под-

Сэм Марси (1911-1998), американский коммунист, в 30-х - член Лиги коммунистической молодежи при Компартии США, в 40-х приходит к троцкизму (SWP). Поддержав интервенцию СССР в Венгрии в 1956, выходит из SWP и создает партию «Рабочий мир» (Workers World Party), стоявшую на маоистских позициях, поддерживавшую социалистические режимы по всему миру (СССР и его союзники, Китай, Албания, Северная Корея). Организатор первой демонстрации против войны во Вьетнаме. Тексты взяты из сборника статей Марси, написанных на протяжении 1968 года.

робностях того собрания известно мало, ясно лишь, что Новотный, умеренный ревизионист, был заменен Дубчеком, более радикальным ревизионистом.

Сначала это казалось лишь количественным изменением – ревизионист старой закалки был заменен человеком, способным сделать ещё один-два шага на пути буржуазной реставрации. Однако, начиная с января, политическая контрреволюция начала двигаться к своему апогею, далеко превзойдя все прецеденты в Восточной Европе, вероятно, за исключением Югославии. Если так будет продолжаться, то Чехословакия может продвинуться на пути капиталистической реставрации дальше, чем Югославия.

Под маской «либерализации» и «демократизации» дубчековское руководство сделало гигантские шаги в сторону разрушения социалистического базиса экономики, расширения и углубления капиталистического «свободного рынка» в стране, введения дискриминационной системы материальных поощрений верхним, привилегированным слоям населения. В итоге буржуазные экономические методы распределения национального дохода заменяют систему с серьёзным фундаментом социалистической экономики. Экономическая политика теперь должна проходить под главенством рынка, обобществление индустрии и централизованное планирование должно быть заменено рыночными механизмами, если не отменено вообще. Об этом не так много говорится, но события развиваются именно в таком направлении.

Эксперимент – прикрытие для реставрации

Многие из подобных шагов прикрывается уверениями в том, что это «всего лишь эксперимент», и что новые лидеры просто «новаторы», что они испытывают «творческие методы», пытаются использовать воображение вместо следования старой догме и т.д. и т.п. Но под этой завесой происходит изменение базисных свойств экономической системы.

Кубинцы также интересуются нестандартными идеями, новыми методами и освобождением от старых догм, сдерживающих социалистическое строительство и высвобождение творческой энергии масс. То же самое касается северных корейцев, вьетнамцев, албанцев, китайцев и восточных немцев. Странно, что мировая буржуазия не хвалит их и не встречает с распростёртыми объятиями, в отличие от чехов.

В Чехословакии действительно сохраняется коллективная собственность на средства производства. Но вся или почти вся политическая власть сейчас в руках буржуазной интеллигенции, которая стремится к разрушению всей системы, построенной рабочим классом с 1948 года, в период, когда буржуазия была лишена власти.

Почти все органы политической власти не просто ориентированы на западный тип капиталистической экономики, - они находятся в постоянной и неухаживающей борьбе с обобщественным сектором экономики, – то есть, с основными отраслями: сталелитейной,

металлургической, энергетической, химической и инженерной, которые были созданы потом и кровью рабочих, стали мощнейшими столпами обобщественной экономики и пока ещё по закону принадлежат государству.

Между тем, вся борьба буржуазной интеллигенции, особенно технической, состоит в саботаже дальнейшего социалистического роста и развития основных средств производства, в их постепенном разрушении с использованием разнообразных способов обмана рабочих. Жалобы так называемых реформистов на необходимость возвращения к капиталистическому свободному предпринимательству ради изменения пропорции между тяжелой индустрией и легкой (ширпотреб) индустрией - нонсенс. Вся западная буржуазия не стала бы рукоплескать Дубчеку, если бы дело было только в этом.

Чем вызван экономический кризис?

Эти процессы неизбежно привели к острому экономическому кризису. Ничто так зримо и отчетливо не указывает на характер кризиса, как признание новым режимом 26-го июля того факта, что в стране существует «сильный экономический дисбаланс» (*New York Times, July 28, 1968*). Под «дисбалансом» подразумевается полновесный экономический кризис.

В чем его причина? Причина – непосредственно в усилиях буржуазной интеллигенции и её политического инструмента, руководства Дубчека, по разрушению

обобществленной экономики. Половинчатость этих действий вызвало замешательство и хаос, но не успокоило саботажников.

Причина так называемого «экономического дисбаланса» чрезвычайно отлична от причин какого-либо из экономических кризисов, сотрясавших западную капиталистическую систему. Последние, как хорошо известно, вызваны перепроизводством - вследствие частной собственности на средства производства и производства ради частной прибыли на слепом рынке, а не для общественных нужд. Экономический кризис в Чехословакии, который вынуждена была признать новая администрация, имеет искусственную природу, это так называемый «искусственный» экономический кризис, то есть, кризис, не следующий из процессов, автоматически заложенных в системе, как в случае с капиталистической экономикой, а экономический кризис, причины которого связаны с постепенным реваншем буржуазной интеллигенции и её попытками переориентировать экономику на буржуазные рыночные отношения.

Как рабочее правительство после захвата власти сталкивается с огромными трудностями при переходе к социалистической экономике, так и новое реставраторское руководство в Праге сталкивается с экономическим кризисом в попытке экономического перехода от социализма к капитализму.

Разница, однако, в том, что, если трудности формирования социалистической системы это лишь родовые

муки, то трансформация зачатков социалистической системы в капиталистическую означает постепенное возвращение экономического хаоса и империалистического порабощения.

Неудивительно, что режим Дубчека вынужден был признать в официальном экономическом отчете за последние шесть месяцев 1968 года, что темп экономического роста за последние полгода, то есть, за полгода после январского политического переворота на съезде ЦК, был слабее, чем за весь 1967 или 1966 годы. И возможно, эти данные сильно занижены!

В экономическом отчете также признается «сильное давление инфляции» и то, что «многие товары полностью недоступны». Даже когда руководство Дубчека встречалось с советскими лидерами, министерство экономики была вынуждено анонсировать повышение цен на товары. Экономическая ситуация, возникшая вследствие неумелого управления новой правящей группы, конечно, должна быть совершенно критической, если они вынуждены были открыть правду именно в этот момент.

Экономический хаос, вызванный быстро развивающейся политической контрреволюцией, поставил под серьезнейшую угрозу ключевые достижения социалистического строительства в Чехословакии.

Подлинными революционерами не имеют возможности бить тревогу и поднимать рабочих через публичную прессу в Чехословакии. В чехословацкой прессе также

нет места для разоблачения контрреволюционного характера так называемых экономических реформ или вовлечения политических лидеров в подлинную дискуссию о новом пути, по которому они следуют. При этом существует масса возможностей, масса свободы для высмеивания марксизма, для приукрашивания физиономии Западного империализма, для заискивания перед неонацистским режимом Западной Германии, для нападков на ГДР и, вне всякого сомнения, для реабилитации символов старой капиталистической Чехословакии: Масарика, Бенеша и Ко.

Конечно, поскольку политическая контрреволюция еще не успела произвести полную социальную и экономическую контрреволюцию, полная реставрация капитализма ещё не осуществлена. Иными словами, реставраторы заняли места в политике, но, хотя отношения собственности меняются, они ещё не изменились целиком. Возможен временный поворот влево под давлением Советского Союза и его союзников. Однако только революционное вторжение чешских рабочих снизу может принести фундаментальные изменения по-настоящему прогрессивного характера.

Роль советской бюрократии

Всякий анализ, который основывается на исключительно внутренних силах, не принимая во внимание роль советских ликвидаторов марксизма, был бы совершенно ложным и односторонним. Едва ли можно поверить, что трагические события, которые разворачиваются сегодня в Чехословакии, имели бы место,

если бы они не были спровоцированы, в первую очередь, советским руководством. Именно советская бюрократия, сама отказавшаяся от марксистско-ленинских принципов, начала не просто поощрять, но требовать ревизионистского курса в политике и экономике от своих социалистических союзников. В результате процессы в Чехословакии стали представлять угрозу для самой советской бюрократии.

Разница между чешскими «реформаторами» и советской бюрократией в том, что последняя глубоко укоренена в обобществленном производстве, тогда как первая представляет собой сочетание старой буржуазной интеллигенции и элементов новой технической бюрократии, не слишком заинтересованной в обобществленной экономике. Она сродни старой царской интеллигенции, которая сперва внедрилась в новый режим, а позже была вытеснена.

Реакционные силы, которые подняли голову в Чехословакии и сейчас уверенно маршируют по чехословацкой политической сцене, так же медленно выходят на поверхность и в СССР. Эти силы, выдвинутые и вскормленные бюрократией, представляют сегодня сильное течение в Советском Союзе. Как и в Чехословакии, только массовый выход революционного рабочего класса на историческую арену способен остановить ползучую контрреволюцию. Сокрушить её может только рабочий класс, взявший судьбу в свои руки.

Сэм Марси

**Заявление партии “Рабочий мир”
по поводу интервенции**

Нью-Йорк, 22 августа, 1968.

Худшее, что могло бы случиться в Чехословакии, - триумф контрреволюции и реставрация капитализма. Это неизбежно означало бы открытое или скрытое доминирование американского империализма, и возвращение масс в рабовладельческое прошлое.

Победа контрреволюции в Чехословакии подстегнула бы все контрреволюционные элементы в Восточной Европе, а также в Советском Союзе. Она поставила бы под вопрос само существование социалистических стран, включая СССР, где силы реакции недавно обнаружили себя в реакционном выступлении академика Сахарова, которого поддерживают те же элементы, что и чешскую контрреволюцию.

Мы предпочли бы возрождение ленинизма в Чехословакии и возвращение на дорогу подлинного коммунизма, полноценного и законченного. Но в данный момент революционной альтернативы обеим сторонам конфликта в Чехословакии не существует.

Мы не поддерживаем политику советских ревизионистов, поскольку они сами развязали руки многим реставраторам. Однако, выступая против буржуазной контрреволюции, в существующих обстоятельствах мы поддерживаем интервенцию войск Варшавского договора.

Эрнст Мандель

Социальный, экономический и политический фон чехословацкого кризиса

Глубокий социальный кризис

Как бы мы ни расценивали политическое значение событий, приведших к военной интервенции стран Варшавского договора в ЧССР, невозможно не увидеть в них выражение глубокого социального кризиса в этой стране.

Даже самый ярый сторонник военной интервенции не может не заметить, что само оправдание, выдвигаемое им – угроза контрреволюции – отражает наличие такого кризиса. Если в социалистической стране, в которой рабочий класс сам по себе представляет абсолютное большинство, то есть, - вместе с другими наёмными работниками, - более двух третей населения, если в такой стране через 20 лет после свержения капитализма вдруг настолько обострилась угроза контрреволюции, что для её устранения необходимо 500000 солдат, это говорит только об острейшем социальном кризисе.

*Эрнст Мандель (1923-95) - один из крупнейших марксистов второй половины 20 века, экономист, теоретик и практик Четвертого Интернационала, автор множества работ по социальной, экономической, культурной истории 20 века, книги "Власть и деньги", "Поздний капитализм" и др. Статья взята из коллективного сборника "Чехословакия и социализм", Ноттингем, Англия, 1969, с. 51-73.

Представители советского руководства пытаются скрыть этот факт, говоря исключительно о политической проблеме. Угроза контрреволюции возникла, утверждают они, потому что Чехословацкая Компартия всё больше отказывалась от лидирующей роли в государстве и обществе, и на первый план - в СМИ, в системе образования и т.п. - выходили «правые, антисоциалистические силы». Не говоря о том, что подобные процессы, даже если они действительно имели место, не могут существовать вне связи с более глубокими социальными тенденциями и выражают серьёзные социальные конфликты и противоречия, интересно уже само по себе то, что подавляющее большинство чехословацкого рабочего класса, похоже, не замечало все эти «антисоциалистические» тенденции, а также то, что сторонники линии советского руководства внутри КПЧ оказались совершенно неспособны мобилизовать рабочий класс на «защиту социализма» и вынуждены были привлечь силы из-за рубежа вместо того, чтобы попытаться донести до рабочих их «насущную задачу». Уже сам по себе этот факт - признание в том, что рабочие были, в лучшем случае, – с точки зрения советского руководства – пассивны, в худшем – активно поддерживали «контрреволюцию». Ситуация, безусловно, замечательная, - социализм в ней может быть свергнут, капитализм может быть реставрирован, а чехословацкие рабочие ничего не замечают и ничему не противостоят – но такая ситуация предполагает чрезвычайно низкий уровень политического сознания и активности – и это после двадцати лет коммунистического режима! Безусловно, сам этот факт убеждает всех, кто мыслит в

в социальных, а тем более в марксистских категориях, в наличии глубокого социального и политического кризиса в стране.

Отступление от интересов социализма

Каково объяснение этого кризиса? Привносить внешние факторы, как это делают приверженцы военной интервенции стран ВД, как минимум, неубедительно. Без всякого сомнения, внешние угрозы Чехословакии со стороны агрессивного блока НАТО и западногерманского милитаризма во времена Холодной войны или во времена кризиса берлинской стены не были слабее, чем сегодня. Соображение о том, смена стратегии империалистических режимов – от прямой военной угрозы «отката назад» к попыткам «свержения изнутри» - ведет к большей опасности для «народных демократий», равноценно признанию огромной внутренней нестабильности, и возвращает нас к исходному вопросу, а вовсе не даёт ответ на него.

Когда речь начинает идти об «ошибках» режима Новотного и критикуется метод их исправления, мы подходим ближе к существу вопроса.

Но, разумеется, «ошибки», способные породить в социалистической стране ситуацию, в которой большинство рабочего класса либо не знает о реставрации капитализма, либо поддерживает её, - такие «ошибки» означают серьёзное и опасное отклонение от интересов социализма, означают политику, ведущую к катастрофе. И именно отсюда нужно начинать анализ.

Здесь сторонники военной интервенции сталкиваются с особенно острым противоречием. С одной стороны, они обвиняют чехословацких «ревизионистов» в «систематическом очернительстве итогов двадцатилетнего строительства социализма»; с другой стороны, сами же подчеркивают, что в результате этих 20-ти лет угроза капиталистической реставрации стала неотвратимой – что, с их точки зрения, безусловно, есть катастрофа. В таком случае, ясно, что эту угрозу и нужно связывать, хотя бы частично, с итогами этих 20-ти лет, значит к таким катастрофическим результатам, по крайней мере, отчасти, привёл режим Готвальда-Новотного?

Несложно конкретизировать, о каких именно результатах идет речь. Они хорошо известны и их легко зафиксировать. Жесткая бюрократизация общественной жизни привела к почти полному расхождению между трудящимися массами, - в первую очередь, рабочими – и теми, кто монополизировал политическую и экономическую власть. Участие рабочих во власти сведено практически к нулю – в противовес всему, к чему призывали Маркс и Ленин. Такое же расхождение произошло и в технической, культурной и идеологической сфере. Жестко централизованная, лишённая творческого начала и воображения бюрократия «пропустила автобус» полудюжины ключевых технологических инноваций, тем самым снова сделав ЧССР - одну из самых технологически развитых стран Европы и мира - страной, страдающей серьёзным технологическим отставанием не только от США и СССР, но даже от капиталистических стран Западной Европы.

Бюрократическое удушение творческой силы рабочих и интеллигенции привело к оскудению культурной и художественной жизни. Марксизм, интерпретирующий реальность с позиций творческой науки, объясняющий её с целью изменить, стал апологетической догмой, используемой лишь для сохранения status quo, мало-состоятельной и неубедительной, - если учесть, что большинство людей совершенно не верило этой чудовищной пропаганде. Экономический рост замедлился, а в итоге полностью прекратился. Началось даже понижение реальных доходов трудящихся.

В результате этих объективных тенденций развития, объективных противоречий между бюрократической системой управления и государственными, экономическими и социальными интересами трудящихся масс, начался процесс расслоения, сначала среди руководящих кадров, затем, в меньшем масштабе и с меньшей интенсивностью, во всем обществе. Кризис чехословацкого общества, драматически выявленный вторжением войск Варшавского договора, - это следствие бюрократической системы управления, следствие политики Готвальда-Новотного. Вот ключ к пониманию того, что происходит в ЧССР, и того, что происходит в целом с так называемой «народной демократией».

«Процесс либерализации»

Социальное значение движения за «либерализацию» нужно видеть в свете этого кризиса. В ситуации, когда подавление гражданских свобод трудящихся обеспе-

чивало правящей партии абсолютную политическую монополию, расслоение в партии, а также внутри правящей социальной страты, представляющей эту партию, было неизбежно. В результате примерно 20-ти лет подавления социалистической демократии рабочий класс не имел ни возможности открытого политического выражения, ни юридических гарантий, ни даже возможности высказываться – достаточных для того, чтобы упомянутый процесс мог начаться на фабриках, шахтах и мастерских, а не только среди экономистов, писателей или ученых. Все это имело некоторые важные последствия.

В первую очередь, нетрудно увидеть, что медленно развивающаяся дискуссия внутри правящей бюрократии об истоках и возможных разрешениях кризиса в ЧССР непременно происходит в формах и выражениях, соответствующих социальной природе тех, кто начал эту дискуссию. Поэтому дискуссия шла о возможности общей рационализации и реформ бюрократического правления, а не о возможности радикального внедрения социалистической демократии, в подлинной марксистской и ленинской традиции. Это, в свою очередь, привело к преобладанию технократического подхода «либерализаторов». Речь шла не о смене власти привилегированной бюрократической страты властью рабочего класса; а о смене деспотического, дряблого и несостоятельного «рациональным», научным, хорошо образованным, технократическим. Это стало ключевым моментом «борьбы за власть» внутри КПЧ - ещё и потому, что экономические вопросы всё более и более выходили на

первый план, и вес «экономической эффективности» и «научного управления» был особенно велик в происходивших дебатах.

Чрезвычайно отталкивающий, деспотический характер правления «политической» бюрократии (подавление социалистической законности, инсценированные суды, пытки политзаключенных, цензура, подавление внутривластной демократии, полицейское насилие против всех слоев общества, ничем не ограниченная власть тайной полиции и т.д. и т.п.) стал основной мишенью для «технократического» крыла бюрократии по нескольким причинам. Было несложно создать на основе данных пунктов единый фронт практически из всех слоев общества, поскольку эти аспекты бюрократического деспотизма вызывали буквально всеобщий страх и ненависть. Было легко продемонстрировать, что «десталинизация» и отмена власти тайной полиции – которая медленно и осторожно проводилась в самом Советском Союзе с 1956 – в ЧССР имеет более ограниченный и неспешный характер, иными словами, ЧССР не следует примеру «государства-модели». Это являлось объективным препятствием для широкой научно-технической революции в ЧССР, поскольку топорный деспотизм особенно разрушителен для творческого начала в науке, технике и культуре. Это препятствовало также модернизации экономики, поскольку бюрократическая сверхцентрализация и подавление инициативы на уровне регионов и предприятий есть, судя по всему, одна из причин замедления экономического роста. Но сама природа политической кампании вокруг этих вопросов усиливала роль технократических и интеллекту-

альных слоев в процессе «либерализации». Дело шло к отделению этого процесса от непосредственных нужд рабочего класса в условиях всеобщей апатии. Предложения экономических реформаторов (см. ниже) совпадали с этой тенденцией. Сочетание внутренней логики дебатов о «либерализации» и материальных интересов технократического крыла бюрократии (выраженных в лозунге: «Хочешь лучших руководителей, плати») серьезно дискредитировали «экономическую реформу» в глазах рабочих. Природа «либерализации» как внутрибюрократической борьбы стала очевидна для критических и прогрессивных слоев общества.

Но одно дело – природа этого процесса «либерализации» в глазах её адептов («либерального» технократического крыла бюрократии) и оппонентов («политического» - авторитарного и консервативного крыла бюрократии), и другое дело – объективный результат этого процесса.

«Либерализация» экономики и общества была невозможна без ослабления политического контроля над населением. Уменьшение этого политического контроля, в свою очередь, не могло не вывести на поверхность все те разнообразные политические течения, которые при режиме Готвальда-Новотного существовали под прессом бюрократической диктатуры. И новое появление разнообразных политических течений, выражающих, в конечном счёте, разнообразные социальные интересы и тенденции, существовавшие в стране, обязательно должно было привести к

постепенному процессу политического образования рабочего класса и молодёжи, к процессу политического расслоения и преобразованиям в стране, сильно ускорившимся после пленума ЦК КПЧ в январе 1969 года. Необходимо обрисовать эти разнообразные аспекты недавней эволюции внутри КПЧ, чтобы понять, насколько ошибочно и не по-марксистски мыслят те, кто считает, будто «либеральное» руководство КПЧ либо «освободило страну от бюрократического гнета» либо «пассивно способствовало» процессу «контрреволюции». Действия руководства, в конечном счете, состояли в том, что оно позволило социальным и политическим силам в стране формироваться и выражать себя более свободно, чем прежде, в интересах укрепления власти правительства КПЧ над страной, как экономически, так и политически. В экономическом смысле это не удалось (хотя у нас сейчас нет времени на рассмотрение этого шага во всей его противоречивости). В политическом смысле успех был поразительным. Все говорит о том, что в январе-августе, а особенно после мая 1968-го года КПЧ резко увеличила свою популярность и укрепила связь с рабочим классом, а также с другими слоями трудящихся, получив массовую базу и массовую поддержку большую, чем когда-либо в своей истории. Это был сам по себе противоречивый и переходный феномен. Но он показывает, насколько безосновательна аргументация сторонников военного вмешательства. Самой серьёзной слабостью социалистического режима в ЧССР была политическая апатия, равнодушие и неучастие рабочего класса (это также основной аргумент сторонников вмешательства). Эта слабость не усугублялась, а,

наоборот, преодолевалась в процессе «либерализации» после января 1968.

Ревизия теории государства

Могло ли упомянутое расслоение привести к возникновению реакционных сил бок о бок с социалистическими? Несомненно. Усиливало ли эту опасность то недоверие коммунизму, которое привила большей части населения политика Готвальда и Новотного? Конечно. Можно ли сказать, что антисоциалистическая тенденция уже доминировала среди писателей, ученых, журналистов, преобладавших в масс-медиа, будь то открытые или прятавшиеся за «ревизионизмом» антикоммунисты? Ни в коем случае. Прежде всего, нужно сказать, что это не вопрос умозаключений, а вопрос материальных доказательств. Весь пропагандистский материал сторонников военной оккупации ЧССР оказался неспособен показать какую-либо антисоциалистическую направленность среди политически активного населения ЧССР. Ничего похожего на появление кардинала Миндзенти или политических жестов бывших правящих классов 1956 года в Венгрии (мы убеждены, что даже в Венгрии эти тенденции не были преобладающими, и рабочие могли нейтрализовать их). Советская пропаганда (например, «Белая книга», изданная союзом журналистов) была настолько безосновательной, что ей приходилось использовать откровенно детские трюки: представлять свастики, нарисованные разъярённой молодежью на советских танках, как «доказательство» популярности нацизма, тогда как в этих знаках

выражалось лишь презрительное сопоставление советских танков с нацистскими (сопоставление неверное, но спровоцированное несправедливым советским вторжением); говорить о «накрытых» подпольных радиостанциях в доказательство силы «контрреволюционных банд» (забывая упомянуть, что эти радиостанции были инициированы руководящими кадрами КПЧ) и тому подобное.

Совершенно очевидно, что поток свободных высказываний и выступлений в печати после января 1968 года находился в рамках дискуссии о том, как можно создать подлинно социалистическую Чехословацкую республику, не ставя под вопрос социально-экономические основы ЧССР: национализацию средств производства, монополию на внешнюю торговлю и основные принципы социалистической плановой экономики. Расхождения были в том, как наиболее эффективно организовать такую инфраструктуру. В обществе не существовало никакой значительной силы, призывавшей вернуться к капиталистическому способу производства. К тому же, легко связать эту доминирующую идеологическую тенденцию с преобладающей социальной структурой. Остатки бывших правящих классов или зажиточного крестьянства составляли в Чехословакии гораздо меньшую часть населения, чем в Венгрии, не говоря о Советской России времен НЭПа. Рабочий класс и другие наемные работники, не имеющие больших материальных привилегий, составляли подавляющее большинство. Полагать, что эти социальные классы хотели бы вернуться к капитализму, значит отрицать одну из

существенных марксистских гипотез. У этого предположения нет ровным счетом никаких оснований.

А что если рабочий класс был обманом склонен «сознательным контрреволюционным меньшинством» к принятию «постепенной» реставрации капитализма, начиная с трансформации надстройки, которая «шаг за шагом» проникла бы и в базис общества? Принимая этот нелепый тезис, апологеты вторжения стран Варшавского договора (и советские лидеры) переписывают основы марксистско-ленинской теории государства и принимают социал-демократическую теорию «постепенных» изменений классовой природы государства, противоречащую всему ходу истории. История снова и снова показывает, что невозможен переход от власти одного класса к власти другого класса без широкой классовой борьбы, и не только на идеологическом поле. Верно, что идеологические изменения и битвы предшествуют социальным революциям и контрреволюциям, но совершенно неверно, что социальный класс может потерять политическую и экономическую власть в результате идеологического наступления других классов. В этом пункте советские ревизионисты пребывают сейчас в счастливом согласии с ревизионизмом Мао, который отстаивает тот же нелепый тезис. Если бы он был верен, то «идеологическое контрнаступление» католической церкви после 1815 года привело бы к реставрации власти аристократии. Но ничего подобного не произошло. Если ты отрицаешь ревизионистскую концепцию «постепенного» изменения классовой природы государства и экономики, то, с какой стороны не зайдёшь, всегда

будешь сталкиваться с одной и той же проблемой: была ли возможна реставрация капитализма в Чехословакии незначительным меньшинством, и в интересах только этого меньшинства, при наличии политически активного и артикулированного рабочего класса? Не привели бы такие попытки к обострению классовой борьбы, к жестоким социальным и политическим конфликтам между рабочим классом и узкой группой людей, заинтересованных в реставрации капитализма? И не было ли бы решительное выступление против реставраторов поддержано всеми сторонниками активного участия рабочего класса в политической жизни (тогда как все, кто ограничивает или подавляет такое участие, автоматически разрушают защиту от капиталистической реставрации)?

Классовый характер рабочего государства

Из проблемы «постепенной» реставрации капитализма вытекает вся проблема определения классовой природы государства и экономики, а точнее, классовой природы социалистического, рабочего государства. Вот два метода, резко противоречащие друг другу. Марксистский метод, использованный Лениным, был объективным методом социального анализа. Классовая власть это функция социальной структуры, определённого способа производства, определённых производственных отношений, правления определённого социального класса. Отделить классовую природу государства от анализа базиса как такового значит отвергнуть сами основания исторического материализма. Не может быть буржуазного государст-

ва и буржуазного правления без капиталистического класса, владеющего средствами производства, без экономики, основанной на отношениях между частными собственниками средств производства и продавцами рабочей силы и без законов развития капитализма (например, исхода капитала из менее прибыльных в более прибыльные сектора). Иначе весь марксизм теряет своё значение. Но превращение марксизма в рабелепную служанку текущей полемики разных фракций в правящих компартиях постепенно привело к подмене этих элементарных марксистских категорий чисто субъективными критериями социального анализа. Для правящей группы в Кремле, как и для Мао Цзе-Дуна, чтобы быть контрреволюционером-реставратором, уже не обязательно играть определённую роль в определённой социальной структуре. Для этого достаточно быть не согласным с правящей группой в конкретных обстоятельствах. И, разумеется, это приводит к самым фантастическим результатам. Ульбрихт написал недавно о «буржуазной (!) теории рабочего самоуправления». Иными словами: если вы полностью отдаёте управление экономикой в руки рабочих, вы... реставрируете капитализм! Ясно, к какому абсурдному уравнению приводит ход мысли такого рода: власть рабочих равно власть капиталистов. Трудно дальше уйти от марксизма и ленинизма, чем с помощью таких утверждений. Ревизия марксистско-ленинской теории государства, лежащая в основе этих крайне субъективистских концепций, происходит от механической идентификации партии и класса, ведущей к известной «руководящей роли партии». В полном противоречии с тем, что писал Маркс по

поводу Парижской коммуны, и с тем, что писал Ленин в «Государстве и революции», лидеры СССР отстаивают идею, что власть класса равно власти Компартии равно власти лидирующей группы компартии, признанной ими. Эти ревизионистские идеи держатся на представлениях одно абсурднее, неисторичнее и ошибочнее другого: на представлении о том, что партия (или партийное большинство) всегда право; что интересы рабочего класса однородны и каким-то чудом автоматически представлены правящей партией; что материальные привилегии, которые у партийных лидеров сочетаются с монополией на власть, не влияют на их политические решения и идеологическую эволюцию; что эти лидеры готовы защищать «власть рабочих», а не власть и привилегии своей собственной группы; что любое сомнение в праве этой группы на власть и привилегии автоматически угрожает «социализму» и усиливает «опасность капиталистической реставрации» - всё это, в отрыве от конкретного анализа и конкретных альтернативных решений социальных проблем на каждой отдельной стадии развития нового общества.

Мы не можем детально показывать здесь, насколько эти представления противоречат теории Маркса-Ленина, и как они на практике действуют против рабочего класса и интересов социализма. Мы можем только вспомнить, что для классической марксистско-ленинской теории, выраженной, в том числе, в двух ключевых текстах, на которые я ссылался выше, диктатура пролетариата была идентична социалистической демократии. Вся марксистско-ле-

нинская критика буржуазной демократии приводит к заключению, что все рабочие (а не только партия, которая якобы представляет их исторические интересы) должны иметь больше материальных возможностей для реализации демократических свобод, чем они имеют даже в самых демократических буржуазных странах. Из этого следует, что все группы рабочих должны иметь свободный доступ к типографиям, газетам, радио- и телевизионным станциям, всем им должно быть предоставлено право на собрания и организации, при условии соблюдения социалистической конституции. Даже изъятие этих прав у буржуазии было для Ленина не вопросом принципа, а вопросом целесообразности и расстановки сил (которая была в тысячу раз более благоприятнее в ЧССР в 1968, чем в Советской России в 1918). Поскольку Ленин отверг лозунг «Советская власть без коммунистов», кремлевские ревизионисты выдвинули лозунг «Власть коммунистов без советов». Правильный ответ, конечно, - «советская власть, то есть, демократическая власть, всех рабочих, среди которых коммунисты борются за гегемонию политическими средствами, как можно лучшей организацией и защитой своего класса, как можно лучшими предложениями и глубоким анализом, но ни в коем случае не полицейскими репрессиями, цензурованием других пролетарских групп, тенденций или партий». Вот почему решения, принятые в ЧССР накануне августа 1968, борьба за восстановление права на создание фракций в КПЧ, право на организацию других социалистических групп, совершенно не являются «ревизионистскими», а являются возвратом к классическим нормам Ленина и Маркса.

Практическая связь с вопросом об «опасности возрождения капитализма» опять же очевидна. При существующей ситуации внутри государства, реставрация путем военного вторжения из-за рубежа невозможна без мировой войны. Реставрация путем победоносного восстания «контрреволюционеров» изнутри возможна (учитывая соотношение сил в обществе) только в условиях крайней апатии рабочего класса. Социалистическая демократия, создавая благоприятные условия для преодоления такой апатии, является, таким образом, наилучшим бастионом против капиталистической реставрации.

Экономические реформы

Среди «неофициальных» оппонентов КПЧ критика экономических реформ Сика-Дубчека принимает крайне широкий размах. В обвинениях Дубчеку сотоварищи, исходящих от «официальных» сторонников военной интервенции стран Варшавского договора, экономические реформы занимают весьма второстепенное место. Это явное противоречие объясняется тем фактом, что экономические реформы, начатые в ЧССР, это только продолжение (в историческом смысле, а конкретные формы, конечно, немало отличаются) тенденции к большей экономической децентрализации и более активному использованию рыночных механизмов, возникшей в СССР несколько лет назад. Можно сказать, что КПЧ под руководством Дубчека зашла в этом направлении не так далеко, как правительство СССР, что особенно очевидно в свете экономического сотрудничества последнего с импери-

алистическими державами и монополиями: ничего похожего на соглашения СССР с монополиями Фиата, а также на сходные соглашения Румынии и Польши, на счету ЧССР нет.

Конечно, невозможно в деталях проанализировать значение и противоречия экономических реформ на том ограниченном пространстве, которым мы здесь располагаем. Невозможно спорить с тем, что каждый серьёзный шаг в сторону рыночной экономики и децентрализации инвестиционных решений в долгосрочной перспективе несет угрозу плановой основе экономики. Но наличие угрозы не ведет автоматически к её исполнению. В конце концов, Ленин, вводя в 1921 году НЭП, зашёл гораздо дальше на пути рыночной экономики, чем любые экономические реформаторы в сегодняшней Восточной Европе. НЭП, в конечном счёте, угрожал обобществлённому базису советской экономики; но эта угроза была снята ускоренной индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства, то есть, НЭП не привёл к реставрации капитализма. Для того, чтобы оценить степень этой угрозы и способ её нейтрализации, необходимо конкретно анализировать проблемы экономики в данный момент, основные направления её развития и отношения между силами общества, а не ограничиваться общими заявлениями об опасности рыночной экономики.

С другой стороны, мы не согласны с теми, кто, становясь на чисто технократическую и «экономистскую» точку зрения, измеряет всё процентами экономи-

ческого роста и темпом развития производительных сил. Безусловно, развитие производительных сил есть обязательное условие построения подлинно социалистического общества. Но обязательное не значит единственное. Равным образом важны общественные силы, степень их самосознания и вовлеченности. Использовать средства для развития производства, которое усиливает социальную несправедливость, неравенство и провоцирует тем самым деморализацию и упадок политической сознательности масс, значит делать шаг назад, а не вперед на этом направлении.

Мы в равной степени отвергаем упрощенный «контраргумент», выдвигаемый против классического сталинистского тезиса о развитии производительных сил, - «контраргумент», особенно популярный сейчас среди официальных югославских теоретиков: корни бюрократии - в централизации; бороться с бюрократией значит бороться с централизацией; рыночная экономика – единственная замена централизации; следовательно, «социалистическая рыночная экономика» - единственно эффективный способ борьбы с бюрократией. То, что централизация – главный корень бюрократии, просто неверно. Главный корень бюрократии – общественное разделение труда, то есть, материальная, культурная, техническая и политическая невозможность для самих масс производителей напрямую управлять экономикой и обществом. Можно сказать, что относительная отсталость (слишком низкий уровень развития производительных сил, материальная бедность общества) это, в конечном

счёте, главная причина постоянства общественного разделения труда после свержения капитализма. Но это слишком общий и абстрактный тезис, а не конкретный анализ и, конечно, не аргумент в пользу рыночной экономики. На самом деле, в условиях рыночной экономики, «объективные законы» снова приходят на место сознательного планирования, определяющего долговременные социо-экономические процессы, тем самым неизбежно увеличивая социальное неравенство, несправедливость и отчуждение, которые, в свою очередь, сокращают участие рабочих в политической жизни и укрепляют власть бюрократии. В конкретной экономической ситуации в ЧССР в 1966-68 годах, усиление децентрализации и большее использование рыночных механизмов в сфере товаров потребления, были, вероятно, неизбежны, чтобы снова привести экономику в соответствие с основными задачами гармоничного и ускоренного экономического роста. Но не в этом состоял главный социальный вопрос реформ. «Децентрализация» может означать две вещи. Она может означать усиление фабричной администрации как в отношении планирующих инстанций, так и в отношении рабочих; она может также означать создание элементов рабочей власти на уровне фабрик. Первый вариант принимается рабочими с крайним недоверием, особенно, если это подразумевает право администрации увольнять рабочих, менять зарплату, повышать «трудовую дисциплину» и т.п. Второй вариант - начальный шаг к социалистической демократии. На протяжении большей части 1968 года чехословацким рабочим не было понятно, какой из этих двух вариантов реформ возобладает, и Дубчек ни

в коем случае не идентифицировался со вторым направлением. Он не пошёл дальше экспериментальной игры с рабочими советами как с элементами самоуправления на фабричном уровне.

Чем больше чехословацкие рабочие вторгались в процесс «либерализации» после января 1969 года, тем более свободными они становились в выражении своих собственных взглядов, и тем яснее становилось, что советы рабочих, имеющие реальную власть - вот их главная цель. Это возвращает к традиции социализма и коммунизма более, чем шестидесятилетней давности. И, как полностью подтвердил югославский опыт – и как предсказывал Маркс в своей критике Прудона более ста лет назад – подлинная рабочая власть не осуществима на уровне одного предприятия; замена капиталистической конкуренции конкуренцией между «коллективами производителей» в рамках рыночной экономики грозит воссозданием растущего социального неравенства, примитивного накопления капитала, то есть, угрожает воссозданием капитализма. Следовательно, социалистическая демократия закрепится в Чехословакии только когда экономическая власть будет осуществляться не отдельными рабочими советами на отдельных фабриках, а съездом рабочих советов на уровне национальной экономики.

Враг СССР: социалистическая демократия

В свете приведённого анализа, можно попытаться ответить на вопрос: каковы были основания для кремлёвской вооружённой интервенции в ЧССР?

Интервенция эта, разумеется, не была направлена против «угрозы капиталистической реставрации», заключавшейся в экономических реформах, потому что эти реформы – лишь часть «январской программы» КПЧ, практически остающейся в силе. Интервенция также не могла быть связана с угрозой иностранного военного вмешательства, поскольку ровным счетом ничего не говорит за то, что такая была возможна. Вторжение даже не могло быть направлено против «внутренней» контрреволюции, не столько потому что эта «контрреволюция» была крайне слаба, если в принципе существовала, сколько потому что результаты военной интервенции, напротив, усилили бы её, и это было понятно любому. Напрашивается следующий вывод: интервенция стран Варшавского договора в ЧССР была направлена не против социальной контрреволюции в этой стране, а против политической революции в СССР и в странах-союзниках. Кремлю угрожало не растущее влияние империализма в Чехословакии, а растущее влияние Чехословакии в СССР и соседних странах. Врагом была не «капиталистическая реставрация», а социалистическая демократия. Вот почему главным требованием было восстановление цензуры и запрещение нового партийного устава КПЧ. Вот почему требовалось отменить решения 14 съезда КПЧ. Вот почему был запрещён съезд новой партии. Кремль не боится незначительных «буржуазных контрреволюционеров» в ЧССР. Он боится чехословацких рабочих и коммунистов, и того эха, которое их борьба за рабочую и социалистическую демократию может вызвать в Польше, ГДР, Венгрии, и, в первую очередь, в СССР.

Это единственный вывод, который следует из всестороннего анализа социальных сил и существующих процессов в ЧССР накануне вторжения. Это также единственный вывод, который следует из дальнейшего поведения советских лидеров, перед лицом почти всеобщего осуждения их действий революционными социалистами и прогрессивными силами по всему миру.

Великолепное пассивное сопротивление чешских рабочих, студентов и интеллигенции заставило Кремль расстаться с мифом о том, что войска были отправлены в ЧССР «после обращения коммунистических лидеров» (ни один из чехословацких лидеров до сих пор не взял на себя ответственность за это обращение!). Кремль попытался хитроумным маневром обратить политический разгром в полупобеду. Он заставил верхушку «либеральной» бюрократии КПЧ капитулировать и принять политику меньшего зла. Те приняли диктат Москвы, рассудив так: лучше, чтобы программа была принята частично, чем чтобы советская армия поставила у власти консервативное руководство, которое реализовало бы эту программу целиком. Результаты этой капитуляции сегодня очевидны – а в вместе с ними и реальная цель московского «поворота» к «соглашению» с руководством КПЧ. В тот момент, когда, впервые за 20 лет, чехословацкие рабочие оказались заодно с компартией - до и в течение августа 1968, - трещина пролегла между самыми боевыми и политизированными частями рабочего класса, студентами и интеллигенцией с одной стороны, и партийным руководством с другой. Однов-

ременно «руководящее ядро» либеральных реформаторов, окружение Дубчека, было раздроблено на три, а то и на четыре-пять подгрупп. Чем интенсивнее происходили эти процессы, тем проще было Кремлю маневрировать и заниматься шантажом, тем сильнее становилась угроза деморализации и новой апатии чехословацких масс. И это главная цель, которой хотели добиться советские лидеры - едва ли не любой ценой. И они до сих пор этого не добились. Политическое сознание и мобилизация чехословацких рабочих и молодёжи по-прежнему на высочайшем уровне. Их полностью поддерживают социалисты и сторонники революции по всему миру. Но этот подъём не может длиться вечно, расстановка сил быстро ухудшается. Либо новые и существенные обстоятельства придут на помощь чехословацким массам (лучшей помощью был бы сходный процесс в других странах Восточной Европы, особенно в СССР; также было бы полезно серьёзное вмешательство компартий, рабочего движения Запада и революционного движения так называемого «третьего мира»), либо Кремль в итоге достигнет своей цели, – по крайней мере, на время.

Мировая борьба за социализм

Любой успех мировой революции отзывается по всему миру; любое поражение, если оно существенно, имеет неблагоприятные последствия во многих других странах. Эта простая истина, которая с 1848 года подтверждается вновь и вновь, предоставляет нам не просто полезный, но решающий критерий оценки - и осуждения – действий советского руководства против ЧССР.

Если эти действия действительно проводились ради «подавления угрозы контрреволюции», то можно было бы ощутить их позитивные результаты в каких-либо регионах земного шара. Но всё обстоит ровным счетом наоборот. Везде и всюду вторжение стран Варшавского пакта имело негативные последствия, усиливая реакционные классы и консервативные политические тенденции. В империалистических странах оно усилило антикоммунизм более, чем какое-либо событие за последние 10 лет. Оно раскололо рабочее движение, мировое коммунистическое движение, революционные силы, повергнув многие из них в замешательство. Заставляя революционный Вьетнам и Кубу поддерживать свои действия в ЧССР, Кремль ослабляет защиту этих ключевых завоеваний революции во всём мире. Единственные, кто действительно торжествуют, это империалисты и профессиональные антикоммунисты. Их ключевой аргумент – «мы же вам говорили», крайне дискредитированный за последние годы, снова имеет влияние среди растерянных и несознательных трудящихся на Западе и в других странах мира.

Удар по ЧССР оказался двойным ударом по мировой борьбе за социализм. Он не только сильнейшим образом помог империалистам обелить свои преступления во Вьетнаме, Латинской Америке, Африке, арабском мире и т.п. Он также уничтожил на сегодняшний день возможность показать рабочим Запада, что социализм способен гарантировать гораздо более подлинную демократию и свободу для трудящихся, чем капитализм. А именно такой процесс разворачивался в Чехословакии. И он бесконечно усилил бы мировую

борьбу за социализм. Подавив этот процесс военной силой, Кремль нанёс осознанный удар по социалистической борьбе. Кто-то возразит: но не заняли ли чехословацкие лидеры умеренную или даже правую позицию в мировой революции? Не склоняли ли они людей к «нейтральной» позиции по поводу вьетнамской революции? Не было ли в ЧССР, до августа 1968, недостатка солидарности с революционной борьбой, ведущейся в разных странах мира? В этих аргументах, несомненно, есть элемент правды, хоть они часто и преувеличенны. Правда состоит в том, что жители Чехословакии научились не доверять официальной пропаганде – даже если эта пропаганда защищала дело справедливости, например, борьбу вьетнамского народа. Верно и то, что двадцать лет клеветы и политических репрессий не создают благоприятного климата для массовой поддержки мировой революции. Но здесь, опять же, необходимо понимать: главный процесс, начавшийся после января 1968, это процесс политической активизации и дифференциации рабочего класса и молодёжи. Несколько месяцев спустя левые уже, безусловно, преобладали над правыми, даже – и прежде всего – среди студентов. Во время Фестиваля молодёжи в Софии чехословацкая делегация присоединилась к германскому SDS* на демонстрации у посольства США в защиту вьетнамской революции. Протестующие были избиты болгарской охранкой, защищавшей вьетнамское посольство, бы в широком масштабе, по всей стране, если бы не военная интервенция. Сложно отстаивать тезис, что они были в тот момент «правее» болгарского, советского, польского

*SDS - Социалистический союз немецких студентов

или венгерского руководства. И этот процесс развернулся бы в широком масштабе, по всей стране, если бы не военная интервенция.

Исторически, процесс замены бюрократической диктатуры социалистической демократией в Восточной Европе имеет несколько задач: власть трудящихся в экономике, то есть, демократически централизованное самоуправление; политическая рабочая демократия, революционный интернационализм – вот некоторые главные элементы. Разные фракции бюрократии противоречиво определяют себя по отношению к этим задачам. Те или иные их реформы могут быть лишь частичными; власть бюрократии должна быть свергнута, чтобы вышеуказанная программа была реализована целиком.

Внешняя политика Тито* – правая по своей сути; но кто станет всерьёз доказывать, что рабочее самоуправление, даже в его частичном, неполном югославском варианте, является «правым» феноменом по сравнению с полным набором прав, которыми располагают управляющие предприятиями в других странах Восточной Европы? Внешняя политика Дубчека также была правой, хоть и не в такой степени, как политика Тито. Но, несомненно, введение основных демократи-

*Иосип Броз Тито (1892-1280), коммунистический лидер Югославии в 1945-1980. В 1948 порвал отношения с СССР ради независимой внешней политики и экспериментов с самоуправляемым, “рыночным” социализмом. Один из инициаторов Движения неприсоединения.

ческих прав для рабочего класса после января 1968, - не было «правым» по сравнению с абсолютным подавлением прав рабочих во многих других соцстранах. Наконец, может ли кто-либо назвать Брежнева «левым», с его политикой, основанной на «мирном сосуществовании», с его постоянными сделками с Вашингтоном, даже по поводу Чехословакии; с его консервативным партийным режимом, отказывающем членам партии в элементарных правах, которыми они обладали в 20-х; с его полным исключением рабочих масс из непосредственного участия в планировании? Любой, кто осознает эту противоречивую природу разных сегментов бюрократии, отвергнет демагогию по поводу «правого уклона Дубчека» и увидит в этой борьбе интересы масс. А чехословацкие массы кристально ясно показали всем, кто хочет видеть, – на каких позициях они стоят и за что именно борются.

Ройбн Фалбер

Чехословацкий кризис 1968 - изнутри Компартии Великобритании

Через несколько минут после 3 часов утра 21 августа 1968 в квартире Берта Рамельсона в Южном Лондоне раздался телефонный звонок. Звонил советский дипломат, он призывал Рамельсона немедленно явиться в советское посольство для получения послания для Коммунистической партии Великобритании от Коммунистической партии Советского Союза. Дипломат также сообщил, что Рамельсона ждет машина, чтоб отвести его в посольство.

Послание, зачитанное послом Иосифом Смирновским, которого сопровождал Бирюков, дипломат, ответственный за контакты с Британской партией, буквально ошарашивало – лидеры Чехословацкой Коммунистической партии и правительства просили у СССР и стран-участниц Варшавского договора помощи для подавления контрреволюционных сил, поддер-

*Ройбн Фалбер – (1914-2006), с 30-х - активист Компартии Великобритании, с января 1968 – заместитель генерального секретаря, по словам газеты «Independent», «ключевая фигура британского коммунизма». С 60-х через Фалбера проходила тайная финансовая помощь Компартии со стороны СССР, что не помешало ему занять четкую позицию по «Пражской весне». Приведены фрагменты книги Falber, Reuben. The 1968 Czechoslovak crisis: inside the British Communist Party. (Socialist history occasional papers series, 5).] Socialist History Society, 1996,. 36 p.

живаемых империализмом и угрожающих социализму. Советское правительство, вместе с правительствами Польши, Венгрии, ГДР и Болгарии ответило на призыв, и их войска уже находятся в Праге, «защищая» социализм.

Берт Рамельсон попросил назвать имена лидеров, которые просили о «помощи». Смирновский ответил, что просьба исходила от пяти руководителей, но имен он называть не станет. Возможно, Смирновский не знал их сам. В последовавшем разговоре на повышенных тонах Берт усомнился в том, что КПЧ пригласила страны Варшавского договора, и предупредил, что Компартия Великобритании не примет такое чудовищное вмешательство в дела братской партии и другой социалистической страны.

Несколько часов спустя Берт рассказал о своей вечерней встрече на экстренном собрании Политического бюро, которое единодушно приняло заявление, осуждающее действия СССР. (по сути это было, конечно, именно действие СССР).

Случившееся в ту ночь повергло в кризис мировое коммунистическое движение. Несколько партий, впервые в своей истории, выступили с публичной критикой Советского Союза. Среди них были самые сильные и самые влиятельные компартии капиталистического мира. Их отношения с КПСС и её сторонниками крайне осложнились, а в британской партии глубокая трещина пролегла между критиками советской политики и её сторонниками, так называемыми «хардлайне-

рами», «сталинистами» или «танкистами».

В 1956-ом тысячи членов партии, не согласившись с тем, что руководство поддержало советские военные действия в Венгрии, вышли из партии. В 1968-ом инакомыслящие остались в партии и стали противостоять руководству. Последовала долгая, горькая, беспощадная борьба.

Обе стороны считали, что на кону стоят фундаментальные принципы. С одной стороны, право каждой партии определять собственную политику и социалистическая демократия, с другой – лояльность Советскому Союзу и верность «пролетарскому интернационализму». Раны, нанесенные Партии, оказались столь глубокими, что так и не зажили до конца.

21 августа - день решения

Услышав по радио о действиях СССР в 7 часов, я немедленно связался с другими членами Политбюро. К 9-ти часам утра семеро из них собрались на Кинг стрит.

Мы послушали доклад Берта Рамельсона о его визите в советское посольство за несколько часов до этого. Его общение с послом было крайне напряженным. Берт был разозлен – Советы нарушили принципы отношений между Компартиями и социалистическими государствами, не говоря о международном праве. Они солгали нам, и, как позже выяснилось, другим партиям тоже. Руководство чехословацкой компартии

не просило о помощи – меньшинство, выступавшее против реформ, вошло в сговор с советской верхушкой, чтобы сместить законное правительство и руководство Компартии. Об арестах мы тогда не знали.

Вплоть до братиславской декларации* у нас была небольшая надежда на соглашение между чешскими товарищами и их союзниками. И все-таки даже наибольшие скептики среди нас были потрясены внезапностью и жестокостью интервенции. У нас не было сомнения, что нужно делать. Это был исторический момент. Решение июльского исполкома была ясным и недвусмысленным**. Нам надлежало публично заявить наше полное неприятие вторжения под руководством СССР.

Мы понимали, что, помимо будущих сложностей в отношениях с КПСС, нас ждут большие проблемы в наших собственных рядах. Мы были уверены в поддержке большинства. Но мы не питали иллюзий насчет видимого отсутствия оппозиции решениям июльского Исполкома. Многие считали, что мы должны поддержать действия СССР. Помимо этих несговорчивых элементов, были два других типа партийцев, которые, печалась по поводу действий СССР, не позволили бы себе публично критиковать их,

*3 августа на Братиславском совещании коммунистических партий было подписано коммюнике о "коллективной защите завоеваний социализма всеми братскими партиями".

**Заявление Исполкома Компартии от 13/14 июля 1968 года о поддержке реформ в Чехословакии.

но готовы были что-либо заявить советскому руководству приватным образом – жест, как мы знали, полностью бесполезный. Но мы хотели привлечь этот слой активистов на свою сторону – поэтому, при всей прямоте и недвусмысленности нашего заявления, важен был его тон.

Пока мы обсуждали, как реагировать на события предшествующей ночи, выпуская пар по поводу разбитых надежд на обновление социализма и ущерба общему делу, Джордж Маттеус начал набрасывать текст публичной декларации. Мы подробно обсуждали его, фразу за фразой. Пассаж о том, что мы характеризуем происшедшее как «интервенцию», был отвергнут, поскольку мог затруднить привлечение колеблющихся на нашу сторону. Вопрос о том, расстроит ли наше заявление советскую компартию, не обсуждался, мы понимали – их могла бы устроить только безоговорочная поддержка. К утра мы дописали заявление, но решили повременить с публикацией, надеясь, что Джон Голлан* свяжется с нами.

Пока мы ждали сотрудника чехословацкого посольства, появился ответственный за контакт с нами. Горячий сторонник Дубчека, он был, по понятным причинам, очень взволнован, но пришел в восторг от нашего заявления и не сетовал на отсутствие слова «интервенция». В тот день он заходил к нам несколько раз,

*Джон Голлан (1911-1977), британский коммунистический деятель, генеральный секретарь Компартии в 1956-1976. В августе 1968 находился в отпуске в Молдавии.

принося немногочисленные новости, которые посольство получало из Праги. Нет смысла говорить, что все они были плохие.

Активисты компартии на местах не могли ждать до утра официального сообщения Компартии. Их коллеги хотели немедленно знать, что коммунисты думают о действиях СССР. Один шахтер из Ноттингема, узнав, что произошло ночью, немедленно позвонил Джону Пеку и потребовал, чтобы партия выступила против. Некоторые члены звонили в офис и высказывали свои мнения. Только двое склоняли нас поддержать СССР – два лектора из лондонского колледжа – оба жители Сурри.

Когда в субботу утром состоялась встреча более трехсот членов Исполкома, атмосфера была накалена. К этому времени мы все были в полной мере информированы о жестокости, с которой СССР и его союзники свергли правительство Чехословакии и партийное руководство. Был принят ряд поправок к резолюции, которые одобряли заявление Компартии и указывали, что «интервенция не имела поддержки ни одной из руководящих структур правительства или Партии и имела своей целью помешать руководству выполнять свои задачи». Спрашивалось, «почему, если партии, участвовавшие во встрече в Братиславе не были удовлетворены шагами КПЧ, или видели новые угрозы, почему дискуссия не могла продолжаться, а вместо неё произошло военное вмешательство?» В заключении говорилось: «крайне существенно, что это соглашение призывает к немедленному выводу войск

из Чехословакии. Мы призываем пять правительств-участников, действовать заодно, чтобы вывод войск был гарантирован». Резолюцию приняли с одним голосом против, всем отделениям партии и районным комитетам была дана инструкция доставить копии в посольства пяти стран и пытаться вступить в дискуссию с членами дипкорпуса. Только в паре случаев это удалось. Я посетил польское посольство и еле выбрался оттуда.

Разделение между компартиями

Коммунистические и социалистические партии всего мира выражали свои позиции. Итальянская партия выразила несогласие, а французская «сожаление о военном вмешательстве». В Белграде президент Тито сказал, что «Советский Союз поступил так, не думая о последствиях». Пекинское информационное агентство заявило, что «Советский Союз совершил чудовищную ошибку», но затем обвинило Дубчека в «усиленной реставрации капитализма». Японская компартия выразила протест против «неоправданного вмешательства во внутренние дела другой партии», а румынская партия призвала к «полному выводу войск». Компартии Швеции, Норвегии, Испании, Австралии и Голландии также осудили действия СССР. Подыгрывая и нашим и вашим, Фидель Кастро охарактеризовал акцию как «ужасающее нарушение суверенитета, оправданное движением Праги в сторону капитализма».

Но выступления в пользу советской трактовки событий также не заставили себя ждать. Гас Холл, председа-

тель Коммунистической партии США (CPUSA), сказал: «Мы не располагаем всей полнотой информации, необходимой для того, чтобы выяснить, была ли какая-либо альтернатива предпринятому действию». Недостаток информации не помешал ему утверждать, что произошло «выступление антисоветских элементов при поддержке США и Западной Германии» и что «КПСС предприняло шаги в духе пролетарского интернационализма».

Компартия Южной Африки заявила: «мы понимаем большинство членов президиума Компартии Чехословакии, обратившееся к Советскому Союзу и его соседям с просьбой оказать помощь». Кто и где дал им «понять», не объясняется. Может быть, там тоже произошло утреннее свидание в посольстве? В капиталистическом мире поддержку советской акции выразили партии Западной Германии, Израиля, Сирии, Чили, Кипра (AKEL) и Португалии.

Расколы в партии

После встречи Исполкома 24 августа борьба внутри партии ожесточилась. Практически каждый комитет, отделение и группа были расколоты. Раскол проходил не между товарищами из рабочего класса/профактивистами с одной стороны и представителями свободных профессий/средним классом с другой – нет, везде были как оппоненты, так и сторонники акции стран Варшавского договора. Также не было и разделения по признаку «старые против молодых». 91-летний Боб Стюарт, рабочий лидер, многолетний

член Коминтерна, и Изобель Браун, занимавшаяся международной кампанией за освобождение Димитрова, а позже кампанией по сбору средств «Помощь Испании», безоговорочно поддержали Исполком. И наоборот, далеко не вся молодежь была разочарована действиями СССР. Большинство в руководстве комсомола разделяло позицию партии, но и в руководстве и на уровне отделений многие восхищались столь безжалостным обхождением с Дубчеком и его коллегами. В студенческих отделениях борьба шла с практически беспрецедентной жесточенностью.

Наконец, раскол происходил и внутри семей – родители, братья с сестрами, а иногда и мужья с женами стояли на противоположных позициях. Даже те, кто бился за демократию в Испании в составе Интернациональных Бригад, разделились. Партия была в прямом смысле слова в состоянии гражданской войны. И невозможно было классифицировать разногласия по возрасту, полу, занятиям, социальному происхождению, политическому опыту или партийному стажу.

Давление СССР

Советский Союз был очень озабочен тем, чтобы компартии капиталистического мира выражали поддержку интервенции. Сначала казалось, что большинство будет против. Но под давлением многие партии пошли на попятный. Ко мне приходил товарищ из Австрии, бывший беженец-антифашист, живший в Лондоне. Он работал в редакции газеты австрийской Компартии, но когда его партия поддержала интервенцию, был

уволен за отказ следовать партийному курсу. Через несколько дней после интервенции ко мне пришел лидер партии, который был на каникулах в Советском Союзе и ехал через Лондон домой. В его отсутствие партия осудила вторжение. Он сказал: «Никогда не думал, что мне будет стыдно за партию – из-за её анти-советской линии». Хотя формально его партия не изменила позицию, отсутствие дальнейшей критики Советского Союза было весьма заметно. Просматривая прессу зарубежных партий и информацию с разнообразных международных совещаний, я понимал, что такие происшествия не были редкостью.

Советский прессинг коснулся и нас. В СССР продавалось более десяти тысяч экземпляров «Морнинг Стар» – единственной английской газеты, доступной в стране. В конце 1968-го заказы прекратились. Мотив был двояким – во-первых, советские граждане, способные читать по-английски, больше не смогут лицезреть критику их собственного правительства, во-вторых, это был способ финансового давления на безденежную «Морнинг Стар». Исполком заявил формальный протест КПСС, при этом мы дали понять, что наша политика никоим образом не зависит от советских заказов. Вскоре заказы возобновились.

Мы предложили группе западноевропейских партий сделать совместное обращение к СССР. Пажетта* счел это нецелесообразным и призвал к «терпе-

*Джанкарло Пажетта (1911-1990), с 1948 - член Национального Секретариата Компартии Италии, ответственный за международные связи.

нию». Он, очевидно, полагал, что Брежнев нас не послушает. У меня было чувство, что, ожидая со своей партией мест в правительстве, он полагал, что репутация КПИ отнюдь не улучшится из-за заведомо проигрышного конфликта с СССР.

Петля сжимается

СССР неумолимо закручивал гайки в Чехословакии. Послеянварские достижения сворачивались, бывшие сторонники Новотного снова получали власть в правительстве и в партии. К апрелю 1969 они были достаточно сильны, чтобы заставить Дубчека уйти в отставку. Он был назначен председателем Федерального собрания, но остался в президиуме. Советская партия утверждала, что её поддерживает большинство коммунистических и рабочих партий. Хотя это утверждение было безосновательным, некоторые партии в самом деле поддержали интервенцию.

31 съезд Компартии Великобритании

Большинство наших членов, отделений и районных комитетов были против интервенции. Но, чтобы окончательно выявить нашу позицию, должен был собраться и проголосовать высший орган партии – национальный съезд, назначенный на ноябрь 1969.

За десять дней до съезда Джон Голлан получил приглашение посетить советское посольство. Полагая, что цель визита – обычные приветствия съезду от КПСС, он принял приглашение. К его ошеломлению, КПСС

обратилось с просьбой изъять пункт о Чехословакии из повестки дня съезда. Потрясенный и разгневанный таким вопиющим вмешательством в наши дела, Голланд отказался обсуждать послание и немедленно покинул посольство. Мы не сообщили об этом на съезде. Не думаю, что это изменило бы расклад голосов. Противники вмешательства были бы разъярены и возмущены – сторонники все равно не стали бы придирааться к «мирному» вмешательству.

Днем второго дня, когда Джек Уоддис поднялся, чтобы выдвинуть резолюцию исполкома, атмосфера в зале была наэлектризована. Он встал на уже знакомую почву: нарушение суверенитета, вмешательство во внутренние дела братской партии, и т.п. Джек с презрением отозвался по поводу разговоров о контрреволюционной опасности, сказав, что «в поисках улик, они [силы Варшавского договора] обыскали все здания правительства, Компартии, газеты «Руде Право», но не предъявили и не арестовали ни одного контрреволюционера. Зато они арестовали первого секретаря Компартии, премьер-министра, председателя национальной ассамблеи, председателя национального фронта и секретаря комитета партии по городу Праге». Он закончил свою речь приветствиями съезду Чехословацкой Компартии и выразил «искреннюю надежду, что, в условиях полной социалистической независимостью и расширения социалистической демократии, они будут способны преодолеть свои трудности и дать новый и мощный импульс строительству социализма».

В итоге резолюция исполкома была принята 292-118.

Последствия

Тема Чехословакии так и не сошла полностью с повестки дня. По инициативе товарищей из Сюрри он поднимался на каждом конгрессе. Не то, что бы они рассчитывали на победу, просто это было частью их ритуала «пролетарского интернационализма».

Наши отношения с КПЧ оставались прохладными и сводились к обмену посланиями по официальным случаям. Приглашения на приемы в посольство присылались, но некоторые из нас вежливо отклоняли их. Внутри британской партии Сюрри и их союзники стали фактически постоянной оппозицией.

Последнее слово

Мог ли дубчековский проект «социализма с человеческим лицом» осуществиться, если бы не был так беспощадно уничтожен? Если бы он победил, как бы это повлияло на политику европейских государств? И, возможно, ещё более важный вопрос, – насколько усилилась бы от этого поддержка социализма рабочим классом развитых социалистических стран? На эти абстрактные вопросы, увы, не будет дано ответа. Поэтому закончу так: каковы бы ни были грехи и ошибки партии в прошлом – в 1939, 1956 и т.п., в августе 1968-го Коммунистическая партия Великобритании оказалась на высоте.

Статья Ситуационистского Интернационала о событиях в Праге 1968.

Можно сказать, что история последних двадцати лет поставила себе задачу опровергнуть троцкистский анализ бюрократии. Жертва своего рода «классового субъективизма», Троцкий всю жизнь отказывался признать в сталинистской практике что-либо кроме временного отклонения по вине слоя узурпаторов - «термидорианскую реакцию». Как идеолог большевистской революции, он был не способен стать теоретиком пролетарской революции во времена сталинской реставрации. Отказываясь признать правящую бюрократию тем, что она есть, а именно, новым классом эксплуататоров, этот Гегель преданной революции отказал себе в возможности по-настоящему критиковать её. Теоретическое и практическое бессилие троцкизма (во всех его вариантах) в большой степени связана с этим первородным грехом своего учителя.

В тексте “Бешеные** и Ситуационисты в оккупационном движении” мы писали, за месяц до русского втор-

*Ситуационистский Интернационал – группа политизированных художников, философов и поэтов, сложилась в 1957-ом году под влиянием разнообразных направлений левой мысли и авангардных художественных течений (сюрреализм, леттризм и т.д.). Разработали множество форм артистической критики позднекапиталистического “общества спектакля”, серьёзно повлияв - идейно и эстетически - на студентов 1968 года и на последующие поколения радикальных художников-активистов.

**Группа парижских студентов-радикалов под влиянием СИ.

жения: «Бюрократическое присвоение власти неотделимо от тоталитарной власти государства и от исключительной власти его идеологии. Существующие права на свободу выражения, собраний, и отсутствие цензуры в Чехословакии в самом ближайшем будущем приведут к следующей дилемме: либо репрессии, которые обнажат мошеннический характер этих послаблений; либо пролетарское восстание против бюрократической власти над государством и экономикой, власти, которая будет разоблачена как только доминирующая идеология лишится своей вездесущей полиции на более или менее продолжительное время. Итог такого конфликта очень и очень заботит русскую бюрократию, самому выживанию которой угрожают чехословацкие рабочие». Первая альтернатива проявилась во вторжении «советских» танков. Основа тотального доминирования Москвы над «социалистическими» странами заключалась в золотом правиле, провозглашенном и осуществляемом русской бюрократией: «Социализм не должен идти дальше нашей армии». Везде, где находилась эта армия, ставя «коммунистические» партии во власть, за ней было последнее слово каждый раз, когда её бывшие протеже демонстрировали какой-либо уклон в сторону независимости, способный поставить под угрозу тоталитарное бюрократическое доминирование. Русская социэкономическая система с самого начала идеально подходила для новых бюрократических режимов. Но верность этому архетипу часто вступала в конфликт с особыми требованиями конкретных подвластных обществ; поскольку интересы правящего класса любого из бюрократических сателлитов не обязательно сов-

падают с интересами русской бюрократии, межбюрократические отношения всегда содержали в себе скрытые конфликты. Оказываясь между молотом и наковальней, бюрократические сателлиты всегда хватались за молот, как только силы пролетариата демонстрировали стремление к автономии. В Польше или Венгрии, как и теперь в Чехословакии, национальный бюрократический «бунт» всегда является не более, чем заменой одного бюрократа другим.

Как первое индустриализированное государство, захваченное сталинизмом, Чехословакия в течение последних 20 лет занимала «привилегированное» положение в интернациональной системе эксплуатации, созданной русскими после 1949-го, в рамках «социалистического разделения труда», под руководством СЭВ. Вследствие неприкрытого тоталитаризма сталинской эры, чехословацким сталинистам после прихода к власти не оставалось ничего другого, кроме как услужливо имитировать «универсальную социалистическую систему». Но, в отличие от других бюрократических стран, где существовала реальная потребность в экономическом развитии и индустриализации, уровень производительных сил в Чехословакии находился в полном противоречии с задачами экономической программы нового режима. После 15 лет иррационального бюрократического правления чешская экономика оказалась на грани катастрофы, и её реформирование стало вопросом жизни и смерти для правящего класса. В этом и была причина «Пражской весны» и попыток авантюрной либерализации, предпринятой бюрократией. Но, прежде чем начать анализ

этой «бюрократической реформы», нужно постараться осмыслить ее истоки, обратившись к сталинистскому периоду (то, есть периоду Новотного).

После пражского переворота 1948 года интеграция Чехословакии в экономическую систему Восточного блока, почти полностью самодостаточную, сделала её главной жертвой русского господства. Чехословакия, как самая развитая страна, оказалась вынуждена нести на себе бремя индустриализации соседей, которые сами находились под гнетом сверхэксплуатации. После 1950-го тоталитарное планирование, с его упором на металлургическую и инженерную индустрии, вызвало серьезный дисбаланс в экономике, который постоянно ухудшался. В 1966-ом инвестиции в чешскую экономику достигли 47%, самый высокий уровень в мире. Это было связано с тем, что Чехословакии приходилось поставлять – по абсурдно низким ценам, которые не покрывали даже стоимость производства и амортизации оборудования – сырье (за пять лет Советским Союзом были полностью израсходованы пятидесятилетние урановые залежи в Яхимове, Богемия) и фабричные товары (машины, боеприпасы и т.п.) в СССР и другие «социалистические» страны, а позже в страны «Третьего мира», которых дрессировали русские. Идеология «производства ради производства» сопровождала этот процесс, тяжесть которого несли на себе, в первую очередь, рабочие. Ещё в 1952 на заре монетарной реформы, рабочие Пльзенья, осознав, что их зарплаты падают, а цену растут, взбунтовались и немедленно были жестоко подавлены. Последствия этой экономической политики состояли,

в первую очередь: в усиливающейся зависимости чешской экономики от советских поставок сырья и топлива; в ориентации на интересы других стран; в серьёзном падении уровня жизни вследствие снижения реальной заработной платы; и, наконец, в падении национального дохода после 1960 (темп роста упал с 8.5% в 1950-1960 до 0.7% в 1962.) В 1963 впервые в истории «социалистического» государства, национальный доход сократился, а не увеличился. Это был сигнал тревоги, стало ясно, что назрели реформы. Ота Шик решил, что инвестиции должны возрасти в четыре раза, чтобы к 1968-му достигнуть национального дохода 1958-го. С 1963-го начинаются официальные признания в том, что «национальная экономика Чехословакии переживает серьёзный структурный дисбаланс, с ограниченными тенденциями к инфляции во всех секторах жизни и общества, особенно во внешней торговле, внутреннем рынке и инвестициях». (Внешняя торговля Чехословакии, Октябрь, 1968).

Стали слышаться голоса, настаивающие на необходимости перестраивать экономику. Профессор Ота Шик со своей командой начал разрабатывать план реформ, который должен был после 1965 получить большее или меньшее одобрение в высших эшелонах государства. В новом плане Оты Шика заключалась довольно смелая критика сложившейся экономической системы. В нём ставилась под вопрос советская опека и предлагалось освободить экономику от жесткого централизованного планирования, а также открыть её мировому рынку. Для этого было необходимо пойти дальше простого воспроизводства капитала, по-

ложить конец системе «производства ради производства» (отвергнутой как преступление против социализма после долгого прославления в качестве фундаментального принципа социализма), снизить стоимость производства и поднять индекс производительности, который упал с 7.7% в 1960-ом году до 3.1% в 1962-ом и продолжал снижаться в последующие годы.

Этот план, модель технократической реформы, начал реализовываться в 1965-ом году и был развернут в полную силу с 1967-го. Он потребовал строгого разрыва с административными методами, подавлявшими любую инициативу: производители оказывались «заинтересованными» в результатах работы, предоставлялась автономия различным предприятиям, поощрялись успехи, наказывались провалы, стимулировалось - при помощи соответствующих технических средств - развитие прибыльных отраслей и предприятий, ставился на ноги рынок, цены приводились в соответствие с мировым рынком. Программа встречала противодействие со стороны истощенных административных кадров, поэтому работала достаточно слабо. Бюрократия режима Новотного начала осознавать угрожающие последствия этой инициативы. Временный рост цен, не сопровождавшийся соответствующим повышением зарплат, дал возможность этому консервативному слою дискредитировать проект в глазах рабочего класса. Сам Новотный выступал в роли защитника интересов рабочего класса и открыто критиковал новые методы на рабочем митинге в 1967 году. Но «либеральное» крыло, которое осознавало реальные интересы бюрократического режима в Че-

хословакии и было уверено в поддержке со стороны населения, ввязалось в борьбу. Как написал журналист «Культурна Творба» (5 января 1967-го года) «Для людей новая экономическая система стала синонимом желанья перемен», – кардинальных перемен. Это было первым шагом на пути, который неизбежно привел бы к серьезным социальным и политическим изменениям. Консервативная бюрократия, не имея реальной поддержки, могла только признать свои неудачи и постепенно сойти с политической сцены: любое сопротивление с её стороны быстро привело бы ко взрыву наподобие будапештского, 1956-го года. В июне 1967-го четвертый съезд писателей (надо сказать, что писателям, заодно с режиссерами, уже была предоставлена определённая творческая свобода) выступили с настоящим общественным обвинением режиму. Консерваторы реагировали из последних сил – исключив из партии некоторых радикально настроенных интеллектуалов и поставив журнал под прямой контроль министерства.

Но ветры восстания дули всё сильнее, и ничто уже не могло сломить энтузиазм людей, желавших перестройки чешской жизни. Студенческая демонстрация протеста против отключения электричества, после жестокого подавления, превратилась в митинг, на котором были выдвинуты обвинения режиму. Одним из первых новшеств этого митинга, новшество, которому предстояло стать лозунгом всего последующего оппозиционного движения, оказалось безоговорочное стремление к правде, в противоположность «невероятному противоречию между тем, что говорится и тем,

что делается». В системе, основанной на постоянной идеологической лжи, такие требования становятся прямо-таки революционными; и интеллигенции удалось максимально развить этот потенциал. В бюрократических системах, где ничего не должно избегать партийно-государственного тоталитаризма, выступление против малейшей частности неизбежно ведёт к постановке под вопрос существующих условий, к человеческому протесту против той бесчеловечной жизни, к которой принуждаются люди. Студенческая демонстрация, пусть даже ограниченная университетскими кампусами, касалась всех аспектов отчуждения чешской жизни, которую участники митинга называли невыносимой.

И тут необюрократия перехватила главенство над движением и попыталась вместить его в узкие рамки своих реформ. В январе 1968 была принята «Программа действий», обозначившая восхождение команды Дубчека и закат Новотного. Плюс к экономическому плану Оты Шика, теперь однозначно принятому и включенному в новую программу, новое руководство гордо провозгласило некоторые политические намерения. Гарантировались почти все формальные буржуазные «свободы». Эта политика, не имевшая прецедентов при бюрократических режимах, показывает, как много было на кону и насколько серьёзной была ситуация. Радикальные элементы, воспользовавшись этими бюрократическими уступками, вынуждены были признать, что их подлинная задача - принять «объективно необходимые» меры для сохранения власти бюрократии. Смирковски, наибольший либерал из новых

членов, сформулировал истину бюрократического либерализма: «Признавая, что даже в социалистическом обществе эволюция происходит через постоянный конфликт интересов в экономической, социальной и политической сферах, мы должны искать систему такого политического управления, которое позволяло бы разрешать все социальные конфликты и избегать необходимости экстраординарных административных вмешательств». Но новая бюрократия не осознавала, что отвергать эти самые «экстраординарные вмешательства», которые в действительности формируют её единственно нормальную манеру управления, значит подставлять режим под безжалостную радикальную критику. Свобода собраний, культурного и политического выражения породила настоящую критическую вакханалию. Тезис о том, что «руководящая роль» партии должна быть «признана естественным и стихийным образом, в том числе рядовыми членами партии, и основываться на возможности коммунистических чиновников работать и руководить» («Программа действий») был опровергнут повсеместно, стали раздаваться призывы к созданию автономных рабочих организаций. В конце весны 1968-го дубчековская бюрократия производила нелепое впечатление своим желанием убить двух зайцев одним выстрелом. Она вновь заявила о намерении поддерживать свою политическую монополию: «Если антикоммунистические элементы попытаются оспорить эту историческую реальность (то есть, право Партии на руководство), партия мобилизует все силы народа и социалистического государства, чтобы отбить и свести на нет эти авантюристические потуги» (Резолюция центрального

комитета, июнь 1968). Но если бюрократическая реформа позволила участвовать в принятии решений большинству партии, как могло подавляющее большинство вне партии также не стремиться к самостоятельным решениям? Если верхушка государства играет на скрипке, то почему бы низам не пуститься в пляс?

С этого момента революционные силы начали выступать с критикой либерального формализма и его идеологии. До того времени демократия была, так сказать, «навязана массам» тем же способом каким навязывается диктатура, то есть, изолированием масс от реального участия. Все знали, что Новотный пришёл во власть как сторонник либерализации; и что «регресс а-ла Гомулка*» постоянно угрожал дубчековской команде. Чтобы перестроить общество, недостаточно внести изменения в государственный аппарат, необходимо перевернуть его с головы на ноги. Таким образом, люди начали критически оценивать большевистскую концепцию партии как лидера рабочего класса и требовать автономной организации пролетариата, способной быстро привести к концу бюрократию. Для бюрократии пролетариат должен существовать лишь как некая вымышленная сила; бюрократия сводит его – или пытается свести – к чистой видимости, но одновременно хочет, чтобы эта видимость существовала и верила в собственное существование. Бюрократия основывается на своей

*Владислав Гомулка (1905-1982), польский политик, генсек ПОРП в 56-70, после попыток «польского пути к социализму» («оттепель Гомулки», 1956) постепенно принял диктат СССР.

формальной идеологии, но её формальные цели становятся её реальным содержанием, и, таким образом, входят в конфликт с реальными целями. Везде, где бюрократия оказывается у руля государства и экономики, везде, где общий интерес государства становится отдельным и, следовательно, реальным интересом, бюрократия вступает в конфликт с пролетариатом так же, как любое следствие конфликтует с исходными предпосылками самой бюрократии.

Но оппозиционное движение после бюрократической реформы прошло лишь полпути. У него не было времени реализовать все свои практические намерения. Беспощадная теоретическая критика «бюрократической диктатуры» и сталинистского тоталитаризма только начала восприниматься независимо большинством населения, а необюрократия уже начала страдать призраком русской угрозы, существовавшей с Мая. Можно сказать, что огромная слабость чехословацкого движения была в том, что рабочий класс едва ли участвовал в нем как автономная и решающая сила. Темы «самоуправления» и «рабочих советов», включенные в технократическую реформу Шика, не выходили за пределы бюрократической перспективы «демократического управления» а-ля Югославия. Это касается даже альтернативного проекта, намеченного профсоюзниками и представленного 29 июня 1968-го года на фабрике Вильгельма Пика. Критика ленинизма, в котором «некоторые философы» видели «деформацию самого марксизма, поскольку он внутренне заключает в себе логику сталинизма» не была, как сказали бы твердолобые редакторы «Руж», «абсурд-

ным доводом, в конечном счете приводящем к отрицанию руководящей роли пролетариата» (!), а была высшим достижением теоретической критики в бюрократическом государстве. Сам Дучке был высмеян революционными чешскими студентами, его «анархо-маоизм» был с презрением отвергнут как «абсурдный, смехотворный, не заслуживающий даже внимания пятнадцатилетнего».

Вся эта критика, которая неизбежно привела бы только к практической постановке под вопрос классовой власти бюрократии, терпелась и даже поощрялась режимом Дубчека до тех пор, пока последний мог кооптировать её как легитимное развенчание «ошибок режима Сталина-Новотного». Бюрократия, конечно же, развенчивает свои собственные преступления, но она всегда сваливает их на других: она отстраняет часть себя самой и возводит её в автономное целое, которое можно обвинить во всех преступлениях против пролетариата (с самых древних времён бюрократия обожает жертвоприношение как способ продления собственной власти). В Чехословакии, как и в Польше и Венгрии, национализм был лучшим способом для правящего класса завоевать поддержку населения. Чем более явной становилась русская угроза, тем более укреплялся бюрократический режим Дубчека; ему, вероятно, хотелось бы, чтобы силы Варшавского договора так и оставались на границе. Но рано или поздно чешский пролетариат, вступивший в борьбу, понял бы - дело не в том, что любой бюрократ или даже бюрократия в целом, в сию минуту представляет как свою цель, а в том, чтобы что на самом деле пред-

ставляет собой бюрократия, к чему, она в соответствии с собственной природой, принуждается историей. Осознав это, пролетариат поведёт себя соответствующим образом.

Именно страх перед такого рода открытием преследовал русскую бюрократию и её спутников. Представьте себе русского (или восточногерманского) бюрократа в разгаре его «идеологической» паники, представьте, как его мозг – такой же тупой, как его власть – мучается, теряется, цепенеет от этих возгласов независимости, от рабочих советов, от словосочетания «бюрократическая диктатура» и от заговора рабочих и интеллигенции, готовых защищать свои завоевания с оружием в руках, - и вы поймёте, как в этой вопиющей путанице свободы и правды, заговоров и революции, русская бюрократия могла выкрикнуть своим чешским коллегам: «Лучше страшный конец, чем страх без конца!»

Если какое-либо событие способно бросить тень задолго до своего начала, то для людей, способных прочитывать современную историю, русская интервенция в Чехословакии было именно таким событием. Она долго вынашивалась, и несмотря на всю международную отдачу, была практически неизбежной. Поставив под вопрос всевластие бюрократии, авантюристические – хоть и необходимые – действия Дубчека начали угрожать той самой власти, где бы она ни находилась, и терпеть её далее стало, таким образом, невозможно. На её подавление было брошено шестьсот тысяч солдат (почти столько же сколько американцев во Вьетна-

ме). Так что, когда «антисоциалистические» и «контрреволюционные» силы наконец появились, они появились не под портретом Бенеша и не в виде вооруженных «германских реваншистов», а в униформе Красной армии.

Замечательное народное сопротивление продолжалось 7 дней, - «великолепная семерка», - мобилизовав практически все население против захватчиков. Парадоксальным образом, для защиты реформистской бюрократии были предприняты революционные меры борьбы. Но то, что не было сделано до оккупации, конечно же, не могло быть сделано и после неё: русские войска, давшие возможность сторонникам Дубчека затормозить революционный процесс, также дали им возможность контролировать все силы сопротивления после 21 августа. Они играли ту же роль, какую играли американские войска в Северном Вьетнаме: гарантировали единодушную поддержку массами эксплуатирующей их бюрократии.

Первым рефлексом жителей Праги была, однако, не защита Дворца Республики, а защита радиостанции, которая олицетворяла их главное достижение: правду информации против сфабрикованной лжи. И ночной кошмар бюрократий Варшавского договора – пресса и радио – продолжал преследовать их ещё целую неделю. Чехословацкий опыт показал необычайные возможности борьбы, которую однажды сможет повести стойкое и организованное революционное движение. Оборудование стран Варшавского договора (в ожидании возможного империалистического вторжения в

Чехословакию!) было использовано чешскими журналистами для запуска 35 подпольных радиостанций, связанных с 80 запасными станциями поддержки. Советская пропаганда – очень важная для оккупационной армии – была, таким образом, сильно подорвана; у населения была возможность знать все, что происходило в стране и следовать директивам либеральных бюрократов или радикалов, контролировавших некоторые станции. Например, в ответ на радиообращение с призывом саботировать операции русской полиции, Прага была трансформирована в настоящий «городской лабиринт», в котором все уличные знаки и номера домов были сняты и стены были покрыты надписями в духе Мая 1968-го. Противостоя всему полицейскому аппарату, Прага стала домом свободы и примером революционного *detournement** репрессивного урбанизма. Благодаря исключительной пролетарской организации все газеты могли свободно печататься под носом у русских, упрямо охранявших редакции газет. Несколько фабрик были трансформированы в типографии, выпускавшие тысячи бумаг и листовок – включая поддельную «Правду» на русском. 14 съезд партии сумел собраться тайно на три дня под защитой рабочих «Авто-Праги». Эта конференция саботировала «операцию Кадар» и заставила русских пойти на переговоры с Дубчеком. Тем не менее, используя как

*detournement - фр. "искажение" - одно из излюбленных понятий ситуационизма - использование известных средств для создания нового по смыслу послания.

** Янош Кадар (1912-1989), генсек Венгерской СРП в 56-88, член реформаторского кабинета И. Надя, затем возглавивший просоветский курс после подавления бунтов 1956.

войска, так и противоречия внутри чехословацкой бюрократии, русские, в конечном счете, смогли трансформировать либеральную команду в этакое замаскированное правительство наподобие Виши. Гусак, думавший о собственном будущем, был главным действующим лицом, ответственным за отмену 14 съезда (под предлогом отсутствия словацких делегатов, не явившихся, видимо, по его же рекомендациям). На следующий день после «Московских соглашений», он заявил: «Мы можем принять эту договорённость, которая даст возможность *разумным людям* (выделено нами) вывести людей из сегодняшнего тупика так, чтобы у них не было поводов испытывать стыд в будущем».

Чешскому пролетариату, всё более революционизирующемуся, нечего будет стыдиться, кроме одной ошибки – того, что он поверил Гусaku, Дубчеку или Смрковскому. Он уже знает, что может рассчитывать только на свои силы; и что Дубчек и Смрковски один за другим будут предавать его, так же как необюрократия совершила коллективное предательство, склонившись под ярмо Москвы и следуя её тоталитарной политике. Эмоциональная привязанность к той или иной личности – признак эпохи ничтожества пролетариата, признак старого мира. Ноябрьские стачки и самоубийства кое-как замедлили процесс «нормализации», которая беспрепятственно проходила до августа 1969-го. Реорганизованная, принявшая свою подлинную форму бюрократическая власть порождает более эффективную оппозицию. Иллюзии растаяли одна за другой, и привязанность чехословацких масс к реформистской бюрократии исчезла. Реабилитировав

коллорабационистов», реформисты потеряли свой последний шанс на какую-либо массовую поддержку в будущем. Революционное сознание рабочих и студентов углубляется по мере ужесточения репрессий. Возвращение к методам и «узколобому, идиотскому мышлению 50-х» уже провоцирует ожесточенное сопротивление рабочих и студентов, смычка которых - в различных формах - является первоочередным предметом для беспокойства Дубчека, его преемника и их общих хозяев. Рабочие провозглашают своё «неотчуждаемое право отвечать на любые крайние меры» «собственными крайними контрмерами» (послание рабочих СКД министру обороны 22 апреля 1969 года). Реставрация сталинизма раз и навсегда доказала иллюзорный характер любого бюрократического реформизма и прирожденную неспособность бюрократии «либерализировать» своё управление обществом. Ее притязания на «социализм с человеческим лицом» есть ни что иное, как некоторые «буржуазные» послабления в тоталитарном мире; но даже эти послабления немедленно начинают угрожать её существованию. Единственно возможная гуманизация «бюрократического социализма» это его подавление революционным пролетариатом - не просто «политической революцией», но тотальным низложением существующих условий и практическим уничтожением Бюрократического Интернационала.

Сопротивление 21-го августа 1969-го года показало, что в Чехословакии восстановлен обычный сталинизм, но также и то, до какой степени ему угрожает пролетарская критика: 10 погибших, 2000 арестов,

а угрозы исключения или преследования марионеточного Дубчека не остановили национальную «медленную» забастовку, с помощью которой чешские рабочие поставили под угрозу экономическую систему местных и русских эксплуататоров.

Российская интервенция успешно замедлила объективный процесс изменений в Чехословакии, но с огромным ущербом для международного сталинизма. Бюрократические режимы Кубы и Ханоя, будучи напрямую зависимыми от «советского» государства, могли лишь аплодировать интервенции своих хозяев – к великому замешательству их троцкистских и сюрреалистических почитателей и благородных душ в левой среде. Кастро, с исключительным цинизмом, на большом расстоянии оправдывал военное вторжение как необходимое - из-за угрозы реставрации капитализма – тем самым раскрывая природу своего собственного «социализма». Ханой и бюрократические арабские власти, сами жертвы оккупации, доводят свою абсурдную логику до поддержки аналогичной агрессии - поскольку она совершается их мнимыми защитниками.

Что до тех членов бюрократического интернационала, которые льют слезы по Чехословакии, все они делают это из собственных национальных интересов. «Чехословацкое дело», происшедшее сразу после тяжелого потрясения Французской Коммунистической партии во время революционного кризиса мая 1968-го года нанесло ей ещё один серьёзный удар; теперь она оказалась разделена на фракции сталинистов старого

образца, неосталинистские и ортодоксально сталинистские фракции, разрываясь между лояльностью Москве и собственными интересами на буржуазной политической доске. Если итальянская компартия более храбро отвергала деяния Москвы, то причиной тому был надвигающийся кризис в Италии, в первую очередь, прямой удар по «тольяттизму». Националистические бюрократии Югославии и Румынии нашли в интервенции возможность консолидировать своё классовое господство, добиваясь поддержки населения, напуганного русской угрозой – угрозой, в их случаях скорее вымышленной, чем реальной. Сталинизм, который уже умеет относиться терпимо к титоизму и маоизму как собственным преломлениям, всегда будет терпеть тот или иной вид «румынской независимости» - до тех пор, пока она не угрожает напрямую его «социалистической модели», преданно воспроизводимой здесь и там. Нет смысла углубляться в китайско-албанскую критику «русского империализма»: в своей «антиимпериалистической» горячке китайцы сначала попрекают русских за то, что те не вторглись в Чехословакию так же как в Венгрию (см. Пекинские новости от 13 августа 1968), а потом клеймят «одиозную агрессию», совершенную «фашистской кликой Брежнева-Косыгина».

«Международное объединение тоталитарных бюрократий полностью развалилось» - так мы писали в Ситуационистском Интернационале #11. Чехословацкий кризис только подтвердил предсказанное разложение сталинизма. Сталинизм никогда бы не смог играть такую большую роль в повсеместном разрушении

рабочего движения, если бы российская тоталитарная бюрократическая модель не была тесно связана с бюрократизацией старого реформистского движения (германская социал-демократия и второй Интернационал) и всё более бюрократизирующейся организацией современного капиталистического производства. Но теперь, после более чем сорокалетней истории контрреволюции, революция возрождается повсюду, вселяя ужас в сердца хозяев как Востока, так и Запада, атакуя последних как в их различиях, так и в их глубокой взаимосвязи. Храбрые частные протесты в Москве после 21 августа возвестили революцию, которая обязательно разразится скоро в самой России. Революционное движение теперь знает своих настоящих врагов, и ни один из видов отчуждения, порожденных двумя формами капитализма – частно-бюрократическим и государственно-бюрократическим - не сможет больше уклоняться от его критики. Перед лицом колоссальных задач, лежащих перед ним, движение больше не станет тратить время на борьбу с призраками и на поддержку иллюзий.

Заявление ведущих философов-марксистов против вторжения в Чехословакию*

Маркистские философы и социологи со всего мира, съехавшиеся в Югославию для участия в Летней школе на Корсуле, только что с ужасом узнали об оккупации Чехословакии; оккупации, которая не имеет никаких оправданий, и осуществлена несмотря на сопротивление чехословацкого народа, его законного правительства и Коммунистической партии, вооруженными силами СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии.

Никакой инцидент, никакая «провокация» не может служить оправданием этой военной интервенции.

Этот незаконный акт Советского правительства и Коммунистической партии Советского Союза нанес колоссальный удар по всем силам мирового социализма, а также по политике мира и мирного сосуществования. Он серьезно затруднил борьбу за прекращение американской агрессии во Вьетнаме и впредь будет служить оправданием других агрессий.

*Заявление участников симпозиума “Маркс и революция”, организованного известным загребским авангардным журналом “Праксис” на острове Корсула, в Далмации, с 14 по 24 августа 1968 года. Отдельное заявление сделала группа венгерских философов, а также югославская редколлегия “Праксиса”, выразившая уверенность в Тито и побуждавшая его “защищать дело социализма и коммунизма против любого рода господства и возрождения консервативных сил.”

Думая о будущем мирового социалистического движения, мы должны самым активным образом разоблачать антисоциалистический и антидемократический характер военной оккупации. «Политика силы» не имеет отношения ни к безопасности социалистических государств, ни к их защите.

Мы адресуем это официальное обращение

- в первую очередь, всем гражданам СССР и других государств Варшавского договора, принявших участие в агрессии, интеллигенции и рядовым трудящимся этих стран. Мы призываем их требовать от своих правительств немедленного вывода оккупационных войск из Чехословакии и восстановления на своих постах законного социалистического руководства страны, возглавляемого Александром Дубчеком. Это руководство пользуется единодушной поддержкой народа Чехословакии;

Мы также обращаемся ко всем, организованным и не организованным силам мирового социалистического движения. Советское правительство и руководство КПСС должны знать:

если не произойдет немедленного вывода войск, то ответственность за изоляцию от остального мирового социалистического движения, которое никогда не примет такую политику, ляжет на них самих.

Мы выражаем абсолютную солидарность с народом Чехословакии, с прогрессивными и социалистичес-

кими силами в этой стране и с Компартией Чехословакии – со всеми, кто начал замечательную борьбу за реализацию подлинного социализма.

Мы заявляем здесь, что готовы предпринимать все необходимые меры, и заявляем, что такие меры будут приняты, ради безоговорочной поддержки народа Чехословакии в его борьбе за социализм, основанный на свободе и ответственности всех людей.

Корсула, 21 августа 1968.

Эрих Фромм (Мехико), Любо Тадич (Белград), Эрнст Фишер (Вена), Эрнст Блох (Тюбинген), Юрген Хабермас (Франкфурт-на- Майне), Герберт Маркузе (Сан-Диего), Роберт Козн (Бостон), Альфред Зон-Ретель (Бирмингем), Норман Бирнбаус (Нью-Йорк), Люсьен Голдманн (Париж), Джон Х. Херц (Нью-Йорк), Шломо Авинери (Иерусалим) и др.

“Непонимание 1968” **Интервью с Руди Дучке**

Как вы объясните неспособность в 1968 радикальных левых на Западе осознать значение Пражской весны?

Дучке: Объяснение имеет исторический характер. После революции 1917 года большая часть рабочего движения в мире живет мифом октябрьской революции как пролетарской революции. Настаивание на этом мифе имеет одно последствие: отсутствие любого критического анализа того, что происходило в СССР. В 1945 Советский Союз внес вклад в победу над фашизмом и восстановление Европы. Иными словами, советское влияние означало, с одной стороны (и в первую очередь) освобождение, с другой, конец всякой демократии, конец того, что считалось достижениями буржуазной цивилизации. В период холодной войны левые снова склонялись к тому, чтобы идентифицировать социализм с Советским Союзом, а в

Руди Дучке (1940-1979) немецкий социолог и политик-марксист, член SDS (Социалистический союз немецких студентов), один из лидеров студенческого и антивоенного движения конца 60-х. В 70-х, в противовес крайне радикализовавшейся части левых (RAF и т.п.) стал сторонником «долгого пути через институты», постепенной революционизации и демократизации общества. Участвовал в формировании Партии Зеленых, работал с диссидентами стран Восточной Европы. Умер от последствий покушения 1968-го года. Интервью взято Жаком Рупником незадолго до смерти Дучке.

Западной Германии - с ГДР. Именно в этом контексте появилось студенческое движение 1960-х. Я помню, что в SDS большинство имело такую же позицию по Восточной Европе. Никто даже не обсуждал это. Вопрос считался второстепенным, поэтому мы его просто не поднимали. Я помню, что после моего возвращения из Праги, никто в SDS не мог по-настоящему понять мои описания происходившего там. Они связывали эти проблемы и процессы с либерализмом, а не с социализмом.

Тезис об опасности «реставрации капитализма»?

Более или менее. Но не было никакого понимания ситуации и того, что действительно стояло на кону в Чехословакии. Именно по этой причине левые в Западной Европе не поняли динамики социального и политического освобождения в Восточной Европе. Из-за этого стали невозможны коммуникации и сотрудничество. Они были фактически оказались сведены скорее к персональному аспекту, чем к политическому: я был из ГДР, поэтому контактировал с Петром Ухлом [чешский диссидент] и некоторыми другими.

Чем были важны для вас движения 1968 года в Париже и в Праге? Помимо непонимания, был ли какой-то общий знаменатель?

Тогда я думал, что появляется новое измерение классовой борьбы в Центральной Европе, в связи с подъёмом одновременно в Западной Европе и в Восточной Европе. Чехословакия сделала фундаментальный шаг

вперед в перспективе политических изменений в Восточной Европе. Я узнал о майско-июньских событиях в Париже на больничной койке. Для меня было очевидно, что поражение серьезно затруднит возможность сотрудничества Запада-Востока. Поражение в Париже и в Западной Германии также позволило компартиям вернуться на политическую сцену. Москва велела им переждать, и прежде всего, не участвовать в борьбе, потому что это могло повлечь трудноконтролируемые последствия на Востоке. После парижского поражения встал вопрос: произойдет ли вторжение русских в Чехословакию? Мы спорили на эту тему уже во время моей поездки в Прагу. Я был убежден, что это невозможно. Но мои чешские друзья-студенты говорили мне: «Ты настолько уверен, что 1956 год – целиком в прошлом?» Я думал, такое больше невозможно. Я плохо оценивал ситуацию. Но в июне моя уверенность начала рассеиваться. А потом я пережил страшный шок, как и все, кто искренне верил в социалистические убеждения СССР.

Не кажется ли вам, что «непонимание» между Западом и Востоком в 1968-ом было связано не только с разными контекстами и ритмами развития, но, прежде всего, с различием целей? Идеологически у двух сторон было мало общего: чехи хотели гуманизировать марксизм, тогда как во Франции происходил возврат к революционной чистоте марксистской доктрины.

Точно. Я помню, когда чешские студенты приезжали в Берлин навестить меня в больнице, они говорили:

«Так сложно разговаривать с немцами...». И они были правы. Но новая встреча произошла на Фестивале молодёжи в Софии, и завязались новые связи; люди из SDS понимали, что чехи готовы работать вместе, чтобы стащить с себя ошейник софийских властей и коммунистических организаций. Это был маленький шаг к сближению.

Единство в момент проигрыша, но не на начальной фазе движения?

Да, совершенно верно. Этот опыт был кратковременным. И все же я убежден, что в ближайшие годы западногерманским левым придется осознать (и это уже происходит), что изменение status quo в ФРГ и Западной Европе немыслимо вне связи с политическим и социальным освобождением в Восточной Европе. Изменение в изоляции невозможны. Понимание этого факта колоссальным образом меняет сознание.

Тарик Али.

Из книги «Годы уличной борьбы»

Изменения в Чехословакии с марта 1968 дали возможность утверждать, что социализм и демократия, на самом деле, гораздо более совместимы, чем свобода и капитализм. Кулуарные запугивания в адрес чешских лидеров не принесли ожидаемых результатов. Кремль отказался терпеть иной вариант социализма, оказавшийся исключительно популярным во Втором Мировом. В Кремле боялись, и небезосновательно, потому что, если разрешить чешскую модель, то вслед за этим последуют вопли возмущения по всей Восточной Европе. Если социализм и демократия могли сосуществовать в Праге, то почему они не могли бы сосуществовать в Восточном Берлине и Будапеште, Варшаве, Софии, Бухаресте и наконец, в самой Москве? Пример Праги должен был быть подавлен за одну ночь - так произошёл ещё один акт чешской трагедии. Когда-то зависимые от Запада чехи рассчитывали, что он уберезит их от нацистской Германии. Вместо этого британские и французские правящие классы заключили сделку с Гитлером и принесли Чехословакию в жертву. После

Тарик Али (1941) – британский писатель, режиссер, публицист, политический активист пакистанского происхождения, в 60-х - член Международной Марксистской группы (IMG), редактор известной леворадикальной газеты «Черный Карлик», автор книг «Троцкий для начинающих», «Иранские ночи», «Буш в Вавилоне», «Столкновение фундаментализмов», «Султан в Палермо» и мн. др.

войны чехи, благодарные Красной Армии за освобождение, надеялись, что Москва с уважением отнесётся к традициям и развитому экономическому базису их страны. И снова надежды не оправдались. Жан-Поль Сартр очень красноречиво выразил этот аспект трагедии:

Чехословакия могла быть первой страной, сумевшей перейти от развитой капиталистической экономики к социалистической, предложив западному пролетариату если не модель, то, по крайней мере, воплощение его собственного революционного будущего. У нее не было дефицита ни в чем – ни в средствах, ни в людях; если где-либо был возможен подлинный рабочий контроль, то в Праге и в Братиславе.

К сожалению, московские манипуляторы, манипулируемые своими собственными манипуляциями, не могли даже и представить себе такого социализма. Они навязали свою систему извне. Эта импортированная, не прижившаяся модель, не имевшая настоящей почвы в стране, была обеспечена извне внимательным «старшим братом». Она была возведена, как идол – то есть, как набор безусловных требований, неоспоримых, необсуждаемых, необъясняемых, не объясненных...

Сталинистская модель «социализма без слез» была ещё одним бедствием, и существенная часть чешских коммунистов понимала это с самого начала. В 1968-ом их преступление, по мнению некоторых, состояло

в том, что они стали популярны. Слишком популярны! За экспериментами Дубчека также нервно наблюдали в Вашингтоне и столицах НАТО в Западной Европе. Ведь если бы они оказались удачными, можно не сомневаться - эхо услышала бы вся Европа, Восточная и Западная. Мятежники мая 68-го были разоружены, события в Италии и Португалии чуть было ни привели к революции несколько лет спустя. Работающая социалистическая демократия в Чехословакии наверняка имела бы последствия в обеих странах. Когда вошли танки, Запад не слишком гневался. Если вспомнить реакцию на советское вторжение в Афганистан или на объявление военного положения в Польше, то, кажется, что, хорошенько прислушавшись, в дни вторжения в Чехословакию можно было услышать вздох облегчения в западных столицах.

Это был третий акт чехословацкой трагедии. Сегодня модно воспринимать такие события как неизбежные. Политический фатализм пышным цветом расцвел после 1968-го. И все же русским не следовало вторгаться, и им можно было помешать, если бы в Праге было более твёрдое руководство. Тогда, как и сейчас, было понятно – если бы Дубчек, мобилизовав народ и армию, смело и публично сообщил Брежневу и его имперским когортам, что Чехословакия будет сопротивляться восстановлению власти бюрократии, вполне возможно, что советские генералы не отдали бы приказ о наступлении. В конце концов, Тито порвал со Сталиным в 1948-ом и политически вооружил свой народ, устраивая публичные дебаты, лично предуп-

реждая Сталина, что любая попытка Москвы навязать свою волю силой оружия будет встречена вооруженным сопротивлением. Дубчек и его товарищи решили не рисковать.

О вторжении в Чехословакию я услышал в 7 утра - мне позвонил Пэт Джордан, всегда встававший спозаранку. Через час я был в новом офисе "Черного Карлика". Я провел три часа не вставая из-за телефона, а люди тем временем стекались в офис и готовили плакаты. Пять тысяч демонстрантов ответили на наш призыв, и в тот же вечер мы промаршировали к советскому посольству, чтобы выразить протест во имя Маркса и Ленина, Люксембург и Троцкого, чьи портреты мы несли с собой, вместе с красными флагами. Можно с некоторой гордостью вспомнить, что марксистская левая в Британии организовала самую большую демонстрацию против уничтожения социализма с человеческим лицом. Митинг лейбористов в Гайд-парке в те выходные привлек всего несколько сот человек. Нас без конца ругали за нашу одностороннюю критику Америки. Пресса называла нас дурачками, которых водит за нос Кремль. Реакционно настроенные рабочие часто предлагали нам ехать жить в Москву...

Славой Жижек

В попытках избежать логики капитализма

Жизнь Вацлава Гавела кажется непревзойдённой историей успеха: Король-Философ, человек, сочетающий политическую власть с международным моральным авторитетом, сопоставимым разве что с авторитетом Папы, Далай Ламы или Нельсона Манделы. И точно так же, как в конце сказки герой вознаграждается за все свои страдания женитьбой на принцессе, Гавел женится на прекрасной киноактрисе. Почему же тогда Джон Кин называет биографию Гавела «Политической трагедией в шести актах?»

...Причина трагедии Гавела - не в контрасте между публичной фигурой и реальным человеком, и даже не в постепенной утрате харизмы за последние годы. Всё это неизбежно в карьере любого успешного политика (за исключением тех, кому посчастливилось рано уйти из жизни). Кин пишет, что жизнь Гавела напоминает классическую политическую трагедию, потому что его триумфы омрачались жестокими поражениями, и замечает, что большинство жителей республики президента Гавела сегодня относится к нему хуже, чем год назад. Ключевым же является контраст между дву-

Славой Жижек (1949) – словенский философ, социолог, культуролог постмарксистского толка, один из серьёзных критиков капитализма эпохи «конца идеологии», автор книг «Возвышенный объект идеологии», «Хрупкий абсолют или почему стоит бороться за христианское наследие», «Повторяя Ленина» и т.п. Рецензия 1999 года на книгу Дж. Кина из журнала “Лондон ревью оф букс” приводится в сокращении.

мя его публичными образами: образом героического диссидента, который в репрессивной и циничной вселенной позднего социализма жил по правде и писал о жизни по правде, и образом Постмодернистского Президента, который (как и Ал Гор) пережевывает мантры Новой Эпохи (New Age), задача которых – узаконить военные интервенции НАТО. Каким образом уединенный, хрупкий диссидент в мятом пиджаке и с бескомпромиссной этической позицией, противостоящий всемогущей тоталитарной власти, стал президентом, болтающем об антропном принципе* и конце картезианской парадигмы, заявляющем, что права человека дарованы нам Создателем, и вызывающем рукоплескания Конгресса США за защиту западных ценностей? Является ли это удручающее зрелище неизбежным итогом, правдой героического диссидентства Гавела? Говоря в гегельянских терминах: каким образом это этически безупречное, благородное сознание незаметно для себя трансформируется в сознание низкое и сервильное? Конечно, для постмодернистского демократа Третьего пути, сидящего с головой в идеологии Нью Эйдж, здесь нет противоречия: Гавел просто следует своей судьбе и заслуживает похвалы за то, что не погнушался политической властью. Но невозможно избежать вывода, что его жизнь – это нисхождение от возвышенного до смешного.

*антропный принцип - один из принципов современной космологии, устанавливающий зависимость существования человека как сложной системы и космического существа от физических параметров Вселенной.

Кин обозначает пределы политического проекта Гавела, и описываемый им Гавел порой замечательно наивен, например, когда в январе 1990 он приветствовал канцлера Колля словами: Почему бы нам совместно не распустить все политические партии? Почему бы не организовать одну-единственную большую партию, Партию Европы? Два Вацлава, доминировавшие в чешской политике в последнее десятилетие, составляют милую симметрическую пару: харизматичный король-философ, глава демократической монархии находит достойного двойника в Вацлаве Клаусе, своем премьер-министре, холодном технократичном адвокате абсолютного рыночного либерализма, отмечающем любые разговоры о солидарности и единстве.

...Расправляясь с поздним социализмом, Гавел всегда осознавал, что западная либеральная демократия далека от идеалов подлинного сообщества и жизни по правде, с позиций которых он, вместе с другими диссидентами, критиковал Коммунизм. Стало быть, он понимал, насколько проблематично соединить отрицание тоталитаризма с необходимостью критического взгляда на западную демократию. Он предпочел следовать Хайдеггеру и видеть в технологической спеси капитализма, в его безумном танце саморазвивающейся производительности выражение более фундаментального трансцендентно-онтологического принципа – воли к власти, инструментального разума, равно очевидного в коммунистической попытке преодолеть капитализм. В этом состоял аргумент Адорно и Хоркхаймера в «Диалектике просвещения», которая

сначала спроектировала роковой сдвиг от конкретного социополитического анализа к психологически-антропологическим обобщениям, в результате которого инструментальный разум уже не базируется на конкретных капиталистических социальных отношениях, а выставляется как квази-трансцендентальное основание. В тот момент, когда Гавел вслед за Хайдеггером соскальзывает к квазиантропологическому или философскому принципу, сталинизм теряет свою специфику, свою особую политическую динамику, и становится лишь одним из проявлений этого принципа (как пишет Хайдеггер в своем «Введении в метафизику», русский коммунизм и американизм в конечном счете метафизически равны друг другу).

Кин пытается спасти Гавела из этого затруднительного положения, подчеркивая двусмысленную природу его интеллектуального долга перед Хайдеггером. Подобно Хайдеггеру, Гавел воспринимал коммунизм как совершенно современный режим, как самодовольную карикатуру на современную жизнь, многие тенденции которой разделяются западным обществом с его индустриальной спесью и разрушением человеческой индивидуальности. Однако, в отличие от Хайдеггера, исключавшего какое-либо активное сопротивление социал-технологической системе (только Господь спасет нас, сказал он в интервью, опубликованном после смерти), Гавел верил в вызов снизу – в независимую жизнь гражданского общества вне рамок государственной власти. Власть безвластных, утверждал он, свойственна самоорганизованному гражданскому обществу, которое бросает

вызов инструментальному разуму, воплощенному в государстве и технологических аппаратах контроля и подавления.

Идея гражданского общества кажется мне вдвойне проблематичной. Во-первых, оппозиция между государством и гражданским обществом работает как на свободу и демократию, так и против неё. Например, в Соединенных Штатах моральное большинство представляет себя (и имеет соответствующую эффективную организацию) путём сопротивления местного гражданского общества регуляционным вторжением либерального государства – в этом плане характерно недавнее исключение дарвинизма из школьной программы в Канзасе. И, если в специфическом случае позднего социализма идея гражданского общества связана с пространством сопротивления тоталитарной власти, то почему она не может стать пространством всех политико-идеологических антагонизмов, которые досаждали коммунизму, включая национализм и оппозиционные движения антидемократического толка. Это и есть подлинные выражения гражданского общества – гражданское общество формирует площадку для открытой борьбы, площадку, в которой антагонизмы могут артикулировать себя, но нет никакой гарантии, что победит прогрессивная сторона.

Во-вторых, гражданское общество, как понимал его Гавел, на самом деле, не есть развитие хайдеггеровского мышления. Суть современной технологии для Хайдеггера – это не набор учреждений, практик и идеологических позиций, которым можно оппониро-

вать, но сам онтологический горизонт, определяющий, как мы проживаем Бытие сегодня, как реальность закрывает себя от нас. По этой причине Хайдеггер нашел бы понятие «власть безвластных» подозрительным, захваченным логикой Воли к Власти, которую оно стремится отвергнуть.

Понимание Гавелом того факта, что жизнь по правде не может быть достигнута капитализмом, вкупе с трагическим непониманием истоков собственного критического импульса, толкнуло его к идеологии Нью Эйдж. Хотя коммунистические режимы были прежде всего зловещим провалом, порождавшим ужас и нищету, в то же время они открывали пространство для утопических ожиданий, которые, среди прочего, облегчили падение самого коммунизма. Следовательно, диссиденты-антикоммунисты наподобие Гавела просмотрели тот факт, что само пространство, из которого они критиковали и отвергали ужас и нищету, было открыто и поддерживалось коммунистическими попытками избежать логики капитализма. Это объясняет упорную убежденность Гавела в том, что капитализм, в своей традиционной, brutальной форме, не может соответствовать высоким запросам его антикоммунистической борьбы – потребности в подлинной человеческой солидарности и т.п. Вот почему Вацлав Клаус, прагматичный двойник Гавела, в свою очередь, отверг его как социалиста.

...Гавел, кажется, остается слеп к тому факту, что его собственная оппозиция коммунизму стала возможной благодаря утопическому измерению, созданному и

и поддерживаемому коммунистическими режимами. Отсюда его трагикомическое невежество в недавнем эссе в «Нью-Йорк ревю оф букс» - про Косово и конец национального государства. В этом эссе он пытается сказать, что бомбежки НАТО Югославии поставили права человека над правами государства, что нападение блока НАТО на Федеративную республику Югославию без прямого мандата ООН не является ни безответственным актом агрессии, ни неуважением к международному праву. Согласно Гавелу, оно было, напротив, вызвано уважением к закону - закону, высшему по отношению к тому, что защищает государственный суверенитет. Союзники действовали из уважения к правам человека, под диктатом одновременно совести и международных соглашений. Гавел ещё сильнее закликает этот верховный закон, утверждая, что права человека, человеческие свободы... и человеческое достоинство имеют свои глубочайшие корни за пределами осязаемого мира... и если государство есть творение человека, то человек есть творение Господне. Он будто бы говорит, что силам НАТО позволено нарушать международный закон потому что они действуют как непосредственные инструменты высшего божественного закона – а это безусловный случай религиозного фундаментализма. Заявление Гавела – хороший пример того, что Ульрих Бек, в статье, опубликованной в «Зюддойче Цайтунг» в прошлом апреле, назвал военным гуманизмом или даже военным пацифизмом. Проблема с этим подходом не в том, что он внутренне противоречив, и несет в себе оруэлловское «война есть мир». Нельзя также сказать, что против интервенции НАТО лучше всего

работает пацифистски-либеральный аргумент, что, дескать, бомбы и убийства никогда не принесут мир (что, безусловно, неверно). Недостаточно даже указать, как сделал бы марксист, что объекты бомбардировки выбирались не из моральных соображений, а определялись геополитическими и экономическими интересами. Главная проблема с аргументом Гавела - в том, что интервенция представляется предприятием ради жертв ненависти и насилия - то есть, оправдывается деполитизированным обращением к универсальным правам человека.

Конечная причина моралистической деполитизации – отступление марксистского историко-политического проекта. Пару десятилетий назад люди ещё обсуждали политическое будущее человечества: победит ли капитализм, будет ли он вытеснен коммунизмом или иной формой тоталитаризма? – по умолчанию исходя из того, что социальная жизнь кое-как будет продолжаться. Сегодня мы можем легко вообразить угасание человеческого рода, но совершенно невозможно вообразить радикальное изменение системы: даже если жизнь на земле исчезнет – капитализм каким-то образом сохранится. В этой ситуации растерянные левые, убежденные в том, что радикальное изменение существующего либерально-демократического капиталистического порядка уже невозможно, но неспособные отказаться от своей страстной приверженности глобальному изменению, вкладывают избыток своей политической энергии в абстрактные и избыточно жесткие моральные положения.

На недавней встрече лидеров западных стран, посвященной Третьему пути, итальянский премьер-министр Массимо Д'Алема, сказал, что не нужно бояться слова социализм. Клинтон, а за ним Блэр и Шредер, якобы приснули от хохота. Это многое говорит о Третьем пути – он проблематичен не в последнюю очередь из-за того, что обнажает отсутствие второго пути. Идея третьего пути возникла в тот самый момент, когда - во всяком случае, на Западе - все прочие альтернативы, от старомодного консерватизма до радикальной социал-демократии, свернулись перед лицом триумфальной атаки глобального капитализма с его представлением о либеральной демократии. Подлинное послание Третьего пути - в том, что отсутствует Второй путь, отсутствует альтернативу глобальному капитализму, так что подобием некоего издевательского псевдогегельянского отрицания отрицания Третий путь возвращает нас назад к первому и единственному. Глобальному капитализму с человеческим лицом.

Вот в чем состоит, таким образом, трагедия Гавела: его подлинная этическая позиция стала моралистической идиомой, цинично апроприированной рыцарями капитализма. Его героическое упорство в осуществлении невозможного (противостоянии, казалось, незыблемому коммунистическому режиму) закончилось служением тем, кто реалистически утверждает, будто любая реальная перемена в сегодняшнем мире невозможна. Этот переворот не есть измена исходной этической позиции Гавела, он был изначально заложен в ней. Таким образом, конечный урок трагедии Гавела жесток, но непреклонен: прямые этические основания

политики рано или поздно превращаются в собственную карикатуру, усваивая тот самый цинизм, которому изначально противостояли.

Хроника 3

Две тысячи слов 6

Сэм Марси

Некоторые суровые факты, связанные с чехословацкой «реформой» 18

Эрнст Мандель

Социальный, экономический и политический фон чехословацкого кризиса 27

Ройбн Фалбер

Чехословацкий кризис 1968 - изнутри Компартии Великобритании 55

Статья Ситуационистского Интернационала о событиях в Праге 1968 68

Заявление ведущих философов-марксистов против вторжения в Чехословакию 88

“Непонимание 1968”

Интервью с Руди Дучке 91

Тарик Али

Из книги «Годы уличной борьбы» 95

Славой Жижек

В попытках избежать логики капитализма 99